

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ

КУРАТОР
ИСТОРИИ

Юрий Иванович
Куратор Истории
Серия «Русский
фантастический боевик»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24056162

Юрий Иванович. Куратор Истории: Издательство «Э»; Москва; 2017

ISBN 978-5-699-97004-9

Аннотация

Могут ли совмещаться в одном человеке склонность к групповому разврату и крайнее неприятие малейшей несправедливости? Может ли мужчина превозносить женщину как таковую, поднимая ее на вершину чувственного олимпа, и в то же время убивать безжалостно другую женщину? Да еще при этом обрекая ее перед смертью на самые жуткие, нечеловеческие мучения? Преклоняться и уничтожать? Одну целовать томно в шейку, а другой сворачивать голову? Таких людей не бывает. Тем более среди джентльменов. Но я и не собираюсь никому доказывать, что я человек. И не собираюсь объяснять: что или кто меня толкает на столь противоречивые поступки. В общем – история рассудит, тем более что я ее куратор!..

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	23
Глава 3	31
Глава 4	47
Глава 5	57
Глава 6	66
Глава 7	83
Глава 8	98
Глава 9	108
Глава 10	117
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Юрий Иванович Куратор Истории

Серия основана в 2005 году

© Иванович Ю., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

Мягкое беззвучие громадного, затемнённого кабинета оборвал деликатный голос секретаря:

– Босс! Тут к вам Галиар Шенски рвётся, говорит, очень важно. Дело касается операции «Гвоздь». Просит напомнить, что вы давали указание ему ввести вас в курс дела, когда события выйдут на финишную прямую.

Ответ последовал не сразу, словно боссу не удавалось вспомнить о собственном распоряжении. Потом всё-таки прозвучало милостивое:

– Ну да, помню... Пусть войдёт.

После чего в помещение энергичной походкой ворвался безупречно одетый мужчина смазливой наружности и с ослепляющей белоснежной улыбкой истинного дамского искusstителя. Чернявый, с томным взглядом, он скорее походил на записного жиголо, чем на директора отдела спецопераций громадной корпорации. Так о нём и думало большинство людей, его знающих. Ведь в тридцать два года сложно занять высокий пост. И считанные единицы знали, насколько Галиар жесток, циничен, коварен, настойчив и непредсказуем.

На ходу раскрывая ноутбук, директор отдела приступил к докладу:

– Началось. Примерно полчаса до итогов. Вампир – на подходе. Все наши люди на постах. Мы готовы к любой си-

туации. Решения – за вами.

Одной из отличительных особенностей господина Шенски являлась его речь. Старался он всегда говорить короткими рублеными фразами. А то и вообще уместить целое предложение в одно слово. И каждое такое слово великолепно дополнялось мимикой, тоном, жестами и всей осанкой. Обычно это нравилось начальству.

Но сегодня он был встречен с раздражением:

– Что-то быстро у вас всё сложилось. Гал, ты ведь знаешь о моей занятости. И если ты поспешил с выводами...

– Знаю. Боюсь. Надеюсь. Жду.

При этом пантомима сопровождения и постороннему человеку помогла бы понять каждое слово во всей его полноте. При первом слове вежливый кивок. Мол, кому как не мне знать о легендарной занятости главы корпорации. При втором – лёгкое содрогание плеч, словно при ознобе, явно при творном. Третье слово сопровождалось взглядом уверенного в себе хищника. Ну и последнее предложение прозвучало под вытянутую лодочкой ладонь и потиранием большого пальца об указательный. То есть открыто упоминалось о большой премии, которая ему была обещана за отлично проделанную работу и которая вскоре окажется на счету Галиара.

Хотя само по себе сокращение имени при обращении к нему звучало предостерегающе. Обычно такое фамильярное обращение со стороны босса предшествовало жестокой

взбучке:

– Хорошо... Гал. Показывай, что у тебя получилось.

– Наши расчёты оправдались. Подставы сработали. Вампир повёлся на клиента. Вышел на охоту. Вот диспозиция на данный момент...

Он стал тыкать в экран раскрытого ноутбука, попутно продолжая принимать информацию через наушник правого уха:

– Всё правильно, данные сходятся. Эта точка на схеме – приближающийся охотник. Он – в соседнем здании, через дорогу от цитадели «гвоздя». При установке вспомогательных средств он потоптался по рассыпанным кристаллам и отныне нами помечен. Вот эта его жертва – сам «гвоздь» собственной персоной. Как только они окажутся рядышком друг с другом, приговорённого вами человека можно списывать со счетов.

Палец босса в недоумении ткнул в экран:

– Неужели атака будет вестись непосредственно на главный офис «Пангирро»?

– Именно!

– Но кто, будучи в здравом уме, решит туда прорываться?

– Кровопийца не имеет здравого ума. Все в этом уверены.

Хотя его действия в последние дни, когда он аккуратно разведывал все подступы к «Пангирро», выходя на единственно возможную лазейку, заставили меня очень насторожиться. Вампир крайне ушлый и сообразительный тип. Несколько

раз наша система наблюдения оказывалась на пороге своего разоблачения. Приходилось выкручиваться на грани фола. Мало того, он сумел узнать заранее, что в данный момент половина всей личной гвардии Ромы Грэйхемцена брошена на сопровождение крупнейшей партии алмазов. Мы и то пронюхали об этом лишь сегодняшним утром. Но сейчас охотник вооружён до зубов и движется к единственно возможной лазейке внешнего периметра. Только там он...

Крупный бриллиант кольца на пальце босса дал отблеск, прерывая докладчика:

– Как же вы узнаете о точном положении охотника и жертвы?

– С камерами не получилось. Как и с прочими спецсредствами. Зато удалось обнаружить буквально час назад место, как я уже упомянул, откуда Вампир решил проникнуть в «Пангиро». Мы там насыпали особый порошок, который вонзился в подошвы охотника особыми кристаллами «трония-413». И там прорастёт. Подобные кристаллы – уже давно в обуви Ромы. Благодаря этому мы сможем отслеживать местоположение обоих фигурантов операции. Огрехи – не более дециметра.

– И слышать их можете?

– Увы. Нет. Разве что они попадут в радиус действия иных внутренних устройств наблюдения. Ибо в связи с намечаемой акцией я убрал с пути Вампира всё наше, что может навести на наш след. Выполнял ваше указание.

– Как же мы проследим за развитием событий в самом офисе?

– Два внедрённых нами техника великолепно сумели присоединиться к внутренней системе безопасности! – Когда надо было, Шенски умел и сложноподчинёнными предложениями изъясняться. – Так что с началом заварушки вся информация будет перед вами на экране. В том числе просмотр помещения видеокамерами. Скорей всего.

Вопросы со стороны босса не прекращались:

– Есть шансы у «охотника» остаться в живых после мести или скрыться с места событий?

– Почти нет. Но мы знаем, на что способен Вампир. Судя по легендам и прежним его жертвам. Так что...

– Но как же наши техники?

– Они в любом случае сейчас на пути охотника, ибо пополнили ряды охранников. К тому же им приказано ценой своих жизней защищать Рому Грэйхемцена. В том числе сеансом гипновнушения над ними поработали. Так что их судьба предрешена. Мы останемся чисты.

– А сам Рома, если ускользнёт или спасётся?

– Отсрочка. Не больше. Тогда уже мы сами организуем на него покушение. Через подставных лиц, конечно. Или уберём сегодня же, во время эвакуации.

– Хм! Нежелательно... Вампир – самый идеальный вариант...

– Потому мы так и старались. Но на всякий случай разме-

стили в пяти наиболее важных точках лучших снайперов. Их действия будут зависеть от ваших непосредственных приказов. В том числе вы сами решите в конце: убирать Вампира или нет... О! Сейчас начнётся!.. Он уже внутри главного корпуса.

И два человека с азартом голодных гончих склонились к экрану ноутбука.

Глава 1

Оправданная жестокость

Внутри главного офиса удалось проскользнуть на удивление просто. Ещё заранее Финк присмотрел на углу небоскрёба постоянно открытые в дневное время окна кофейного бара, устроенного внутри для инженерного корпуса корпорации. Шестой этаж, правда, и всё здание снаружи покрыто отражающим зеркальным экраном. Но этот экран местами приоткрывался, создавая щели для добавочной вентиляции. Посетители бара этим пользовались, устраивая в простенке между окнами место для перекура. Нарушали запрет о курении, так сказать, потакали своим низменным привычкам.

«За что и пострадают! – нисколько не злорадствовал, а скорей даже сочувствовал Финк. – И ведь все знают, что курение – вред, но себя не берегут».

С этими мыслями глянул на часы: 11.20. Самое лучшее время. Именно сейчас в баре минимум возможных посетителей. Проследил, пока троица курильщиков покинет простенок, выждал на всякий случай десяток секунд и оттолкнулся от подоконника соседнего здания. Тот же уровень позволял рассчитать прыжок идеально, а помогал в плавном выносе тела в нужную точку закреплённый на максимальной высоте линь. Причём сам линь, сделанный из прозрачного,

сверхпрочного капрона, крепился на такой же прозрачной балке, выдвинутой с крыши используемого здания до середины разделяющего пространства.

Ну и сам охотник, укутанный в плащ-хамелеон, постороннему наблюдателю со стороны казался размытым, непонятным пятном в пространстве. Да и то следовало знать, куда и как присматриваться.

Вот пятно промелькнуло над улицей, прилипло к противоположному зданию, принадлежащему могущественной корпорации, да там и зависло на короткое время. Потом словно впиталось в раскрытую щель.

В самом баре диверсант действовал быстро и жестоко. Пяток посетителей, бармен за стойкой и официантка тихо полегли под градом усыпляющих капсул. Каждому хватило бы и по одной, но следовало перестраховаться. Рано поднятый крик или тревога многократно усложняли стоящую перед Финком задачу. Две капсулы, а тем более три или четыре могли спровоцировать смерть усыпленного человека. Передозировка, она всегда остаётся передозировкой. Но в данном случае все имели шанс на выживание, если им окажут помощь в течение ближайших двух часов. А сюда за такое время в любом случае съедутся все бригады «Скорой помощи» доброй трети города.

Поиск ключей не занял много времени, как и таблички с надписью: «Закрето до 12.00». Свёрнутый плащ пристроился во внутреннем кармане, открывая взору штатную фор-

му внутренней охраны. Но оказавшись в коридоре, охотник чуть не столкнулся с двумя девицами, спешащими выпить кофе. Причём одна из них ещё и недовольство выразила:

– Чего это вы? Здесь только для инженеров!

– Вот потому и не пустили! – печально пожаловался мнимый охранник. – Прошу вас, богини всех моих мечтаний! – и галантно раскрыл перед дамами дверь.

Те скривили свои смазливые мордочки в презрительных ухмылках и сделали шаг вперёд. В следующий момент получили одновременно с пинками ускорения по ампуле в свои точёные шейки и, не успев пискнуть, завалились на пол.

– Кофе – тоже вреден! – бормотал мечтатель о богинях, запирая дверь и вешая табличку о закрытии. – Только труд продлевает жизнь, позволяя дожить до пенсии. И хорошее питание... И море... И секс...

Дальше Финк двинулся на нужный этаж, прекрасно ориентируясь во внутренностях громадного здания. Благо изучил всё заранее и чувствовал себя здесь как дома. Несмотря на драконовские меры контроля и надзора, царившие в «Пангирро» на входах-выходах, достаточно было попасть внутрь, чтобы затеряться среди двух тысяч сотрудников. Ненадолго, естественно. И лишь до определённого места.

Тот же этаж, где находился офис главы корпорации Ромы Грэйхемцена, посещали лишь особо доверенные лица и те, кого вызывали туда по надобности. Ну и каждый квадратный сантиметр пространства там просматривался видеокан-

мерами. Стояли самые современные датчики движения, не позволявшие даже прозрачной бабочке пролететь незаметно. Ну и вся эта информация сводилась в бронированный центр безопасности, где три постоянно просиживающих стулья оператора могли задействовать всеобщую тревогу.

Дополнительно на этаже имелось два поста у лифтов и два – у пожарных лестниц. Именно с лестницы и появился ложный охранник, волокущий два стула, нагло шпионеренных из какого-то пустующего ниже офиса.

– Тебе чего тут надо? – прищурился охранник на посту, пытаясь узнать служащего.

– Мне – ничего! Господин Валич приказал отнести эту мебель сюда...

Речь шла о начальнике внутренней охраны. Это замедлило шквал событий всего лишь на секунду. Но порой и секунда много значит: лишний шаг, движение в сторону, лишний выстрел, второй.

– Стой на месте! – гаркнул охранник, уже доставая оружие. Но не успел.

И сам упал, и его товарищ, сражённый боевыми пулями. Здесь уже посторонних или невинных не было, одни враги, которых нельзя было оставлять в живых. Следующими пали мордороты у лифтов, хоть и успели сделать по несколько выстрелов в мечущуюся по всему коридору тень. Уже ревла сирена, и щёлкали замки перекрываемых дверей, когда в последнюю пару вояк, засевших за углом, прилетела мощная

граната. Чуть позже несколько выстрелов завершили агонию израненных тел.

Двинувшись по коридору к нужной двери, Финк всюду щедро разбрасывал квадратные, прозрачные насквозь коробки, не больше спичечных. Десяток подобных он успел разложить и на лестнице, по которой поднимался. Страшное оружие, убивающее взрывом любого, кто приблизится на расстояние полутора метров. Причём вначале безопасное для сеятеля, оно становилось на боевой взвод через две минуты после падения.

Вроде мало для несущихся сюда по тревоге подразделений. Но в то же время много. Или, иначе говоря, достаточно для последнего рывка и завершения дел, которые можно назвать «прикрытием и задержкой погони». Прямо на ходу охотник приклеил более массивный коробок на стенку. Второй такой же прилепил к иному участку ничем не примечательного коридорного пространства и рыбкой нырнул в самое безопасное место под нужной стеной.

Два взрыва раздалось почти одновременно, разнося кусок стены со скрытой за ней разводкой энергокабелей всего этажа, а также проламывая дыру прямо в кабинет главы корпорации. Основной свет погас, остался только аварийный. Сирена убавилась по громкости втрое. Бронированные двери вначале к секретарю, а потом и в сам кабинет, которые считалось трудно и тараном вышибить, просто остались нетронутыми.

Возмутитель спокойствия обошёл, казалось бы, непреодолимые преграды, сразу прорываясь к своей цели. Разве что сама цель оказалась слишком кусачей. От неё неслось две очереди пистолетных пуль, пытавшихся срезать метнувшуюся из коридора тень.

Ответных выстрелов от нападающего не последовало. Он легко уходил, сбивая прицел, и чуть ли не со спокойствием Сфинкса просто дождался, пока у стреляющего с обеих рук господина Грэйхемцена не кончатся патроны.

Вообще-то Рома, имевший некогда кличку Вездеход, славился своей меткой стрельбой, особенно в молодости. Воевал, и не только на войне, но и за интересы своей корпорации. Да и раз в неделю как минимум посещал тир, поддерживая себя в нужной форме. Поэтому сейчас выглядел крайне растерянным безрезультатностью своей стрельбы, когда затворы его восемнадцатизарядных пистолетов остались во взведённом состоянии, а патронов уже не было. И хуже всего, что перед ним стоял целёхонький, не получивший ни единого ранения террорист, нагло улыбаясь и говоря полным ехидства голосом:

– Старость, пьянство и курение – вот причины дрожи в руках и коленках.

– Курить я бросил, – выдохнул Грэйхемцен, медленно опуская пистолеты и лихорадочно соображая, как протянуть время до прихода охраны. – Ибо вредно. С чем пожаловали? Поговорить о старении клеток в организме?

Для данной обстановки, фактически в последние секунды перед надвигающимся адом, знаменитый миллионер держался великолепно. Очень хотелось ему порвать врага голыми руками, и он готов был вот-вот ринуться в последнюю, отчаянную схватку. Но так и не решился на это.

Ибо наряду с бешенством и злобой остро чувствовал: одно неверное движение, и гость свернёт ему шею. Или сделает всё иное, что только пожелает. Обстановка у него под строгим контролем. А почему? Казалось бы: что может такому монстру, как Вездеход, противопоставить стоящий напротив молодой парень лет двадцати, с очень простеньким, незапоминающимся лицом? Да потому и замер Вездеход, что прекрасно узнал нежданного гостя по многочисленным рисункам и фотороботам. Или Вампира, как его в последнее время называли средства массовой информации всего мира. Безжалостный убийца, который казался бессмертным, мог проникать в окружение любой намеченной жертвы, после чего оставлял её умирать в страшных мучениях. Порой убивал сразу. Но такое человеколюбие фиксировалось крайне редко. Действовал всегда нагло, с невероятной для живого существа скоростью, и никогда не задерживался на месте преступления дольше нужного для налёта времени.

С жертвами он не общался. Только предъявлял обвинения в тяжких грехах да порой перечислял самые яркие из них. Об этом узнавали от самих жертв. Потому что те не сразу умирали, а покидали этот мир дня через четыре, а то и че-

рез пять. Но при этом они всегда умоляли их убить и завидовали жутко тем, кто умер сразу. Потому что никакие лекарства или сильнейшие наркотики не годились для облегчения страданий. Жертву укуса Вампира крутило, ломало болью и выворачивало наизнанку уже со вторых суток начавшихся преобразований в теле. Опухшая кожа местами рвалась, внутренности вываливались, вытекали глаза, выпадали зубы, крошились пересохшие суставы. И до последней минуты умирающий находился в полном сознании, испытывая всю гамму ужасных ощущений.

Напоследок распухшее и обезображенное чудовище не просто умирало, а окончательно растекалось вонючей слизью, которую и для похорон нельзя было толком собрать в баночку.

Всё это промелькнуло в сознании главы корпорации за сотую долю секунды. Как и тот факт, он осознал прекрасно, что Вампир не начал сразу с укуса и с перечисления выдвигаемых обвинений. Хотя чаще он всё обвинение сводил к простой фразе:

– Да ты и сам (сама) знаешь, за что тебя следовало уничтожить.

Сейчас этого не было, и разговор начался со странного упоминания о старости.

«Неужели у меня есть какой-то шанс? – мелькнула новая мысль. И тут же краем глаза Рома-Вездеход рассмотрел, как дверь, ведущая к секретарше, стала медленно приоткрываться»

ся: – Она ведь здорово стреляет! Неужели попытается...»

Своей секретаршей он не только пользовался для снятия стресса в интимном плане, но ещё и гордился. Суперкрасотка, бывшая «Мисс страны» и каких-то там галактик, она вводила в исступление и в сексуальное вожделение почти любого мужчину одним своим видом. К тому же считалась умницей, вполне толково справляющейся со своими официальными обязанностями.

Но сегодня явно был не её день для подвига: даже не повернувшись в ту сторону, Вампир выстрелил всего раз, из-под локтя левой руки. Не иначе как у него глаза на затылке!

Двумя мгновением позже дверь распахнулась, и мёртвое уже тело, роняя пистолет, свалилось на ковёр. Вместо правого глаза на кукольном личике виднелось пулевое отверстие.

– Она была сразу перекуплена, – ровным голосом проинформировал убийца. – И работала без малейшего зазрения совести на троих твоих конкурентов.

Рома судорожно сглотнул, не в силах адекватно оценить ситуацию.

Тогда как посланник смерти стал производить странные манипуляции со своей одеждой, попутно перейдя на скороговорку:

– У меня всего несколько минут, не больше. Так что слушай внимательно. Тебя подставили, подбросив сфальсифицированные материалы о страшных преступлениях твоими руками. Подобное случается, и я тогда просто предупреждаю

жертву, чтобы он принял дополнительные меры безопасности. Твой случай – исключение. Ты нужен миру живой и здоровый. И должен прожить хотя бы с десяток лет. Но ты смертельно болен... И о своей болезни узнал три дня назад.

Несмотря на сложившуюся обстановку и умение себя держать, Рома заметно побледнел. Да и говорить смог лишь после попытки облизнуть пересохшие губы и прокашляться:

– Об этом никто не мог знать...

Потому что он прошёл все обследования, прикрываясь чужим именем и под иным обликом. Заподозрив в себе неладное, заранее и тщательно приготовился к скрытному уходу даже от своей охраны. Об этом не знал никто на свете, даже нынешняя супруга, дети и бухгалтер, самый доверенный человек в корпорации.

– Кроме меня! – заверил Вампир. – Я тебя видел довольно близко позавчера и успел просканировать. Есть у меня такой дар, вижу человека насквозь. Именно поэтому я здесь. Тебя надо спасать. И не только от болезни. Вокруг тебя одни враги и предатели, которых я значительно проредил. Не верь никому... э-э-э, кроме бухгалтера и её напарницы. Если бы не я сегодня к тебе пришёл, тебя сняли бы снайпера при выходе из корпорации. Поэтому ты должен панически орать, что я тебя укусил, но требовать при этом доставки в госпиталь своего имени. Ну тот, который в дальнем пригороде... Оттуда я тебя постараюсь послезавтра утром умыкнуть. Тебе только и надо устроить официальный вывоз своего якобы

тела, а самому спрятаться в подсобном помещении первого этажа, под семнадцатым номером. И не переживай по поводу внешних признаков начавшегося процесса. При этом старайся чаще орать, словно тебе больно. Но не давай колоть себя морфием или иным наркотиком.

– Э-э-э... так ты меня будешь кусать?

– Обязательно. Иначе до вечера не доживёшь. Но при этом мой укус позволит твоей усилившейся регенерации справиться за неделю с болезнью. И ещё...

Со стороны лестницы послышались хлопки взрывов. Местная охрана уже собиралась ворваться на этаж. Но охотник прервался лишь на мгновение:

– ...пока будешь первые часы в больнице, постарайся сменить все коды своих счетов. Причём делай это под видом распределения наследства. Никому не доверяй, делай всё лично, только не забывай притворно орать при этом от боли. На твоей обуви – маяк, постарайся от неё избавиться вместе с бутафорным телом. Всё... мне пора!

Не успел Рома отстраниться, как Вампир метнулся к нему и довольно грубо укусил за шею. Причём всегда укус после него на телах жертв оставался вполне себе человеческий, никаких вампирских дырочек с обезболивающей слюной, а потому достаточно обширный и болезненный.

Дёрнувшаяся жертва на какой-то момент потеряла сознание, а пришла в себя, уже развалившись в кресле для посетителей. Руки сложены на коленях, пистолетов нет. Успел от-

крыть глаза и еле слышно прошептать в спину уходящего существа:

– А кто меня подставил?

– Об этом ты и сам догадаешься при свидании с первыми же посетителями твоей палаты... или со вторыми. – Теперь уже взрывы гремели в самом коридоре. Но выглядывающий туда охотник не торопился и успел дать совет: – В палате сразу установи три камеры, на которые тщательно запиши визиты всех соболезнующих, попытаемся вычислить позже твоего главного недоброжелателя. Можешь даже спровоцировать визитёров, пусть сорвутся и в порыве злорадства выговорятся перед тобой.

После чего кинул нечто справа по коридору, а сам рванул влево. Затрещала серия микровзрывов, послышались вопли брани и боли, а чуть позже ещё более мощный взрыв послышался, но уже слева.

Снова ругань, топот, промчавшиеся в боевом облачении фигуры охранников, а потом и отчаянный вопль-команда:

– Уходит! Он уходит по внутренним лестницам дальнего крыла! За ним! «Наружка», встречайте его на крыше!

А в сам кабинет через провал в стене уже вбегали обеспокоенные, покрасневшие, а то и жутко побледневшие подчинённые. И после взгляда на окровавленную шею своего босса они сразу начинали догадываться, что несокрушимый прежде мир «Пангирро» рухнул, как колосс на глиняных ногах.

Глава 2

Неудачная победа?

Две личности, склонившиеся к экрану ноутбука, заволновались несколько раньше удачного побега Вампира с места событий.

– Почему они так долго находятся рядом? – Палец босса попытался раздвинуть стоящие вплотную зелёные точки. – О чём они общаются?

– Да как обычно: охотник зачитывает своей жертве все её преступления! – нервно хохотнул Галиар Шенски. – Дескать: «Как смел, козёл, невымытым рылом мутить моё законное питьё?!»

– Перевираешь басню-то... Но если Рома успеет отмежеваться от собранного на него компромата?

– Хо! Не было ещё такого. Вначале Вампир кусает и лишь затем может снизить до объяснений. Ну и самое главное: словами от нашей липучей и едкой напраслины не отделаешься.

– И всё-таки! – Босса явно терзали тяжкие сомнения. – Если Грэйхемцен поймёт из обвинений, кто его подставил, он может успеть отомстить. Иначе говоря, сам издохнет, но отправит своего палача на нас.

И опять директор отдела спецопераций позволил себе бес-

шабашный смешок:

– А на нас нет подобного компромата. Мы – истинные святоши. Разве что сам факт... – он коротко задумался, формулируя свою мысль, – ...нашего не совсем благовидного поступка подвигнет убийцу на некие действия против вашей корпорации. В этом – да, у нас нет никакой гарантии. Потому что разговор мы их не слышим.

– Тогда... – пальцы второй ладони босса выбили ногтями барабанную дробь по столешнице, – ...лучше этого Вампира уничтожить! Смогут?..

– Конечно! Мы ведь ждали его там, поэтому всецело успели подготовиться. Напомню, что наши лучшие снайперы на самых ключевых позициях. Решение – только за вами...

– Оно принято: уничтожить!

Галиар шепнул всего два слова в микрофон на своей гарнитуре и пустился в дальнейшие объяснения:

– Вампир невероятно быстр для простого человека. Но вне стен «Пангирро» он обязан будет смешаться с толпой и вести себя как обычный горожанин. Вот тогда его и настигнут пули большого калибра. От их разрывной мощи ничего не спасёт.

Одна из точек, наблюдаемых на экране, наконец пришла в движение. Ещё чуть позже стала быстро двигаться к краю здания. Затем схема изменилась, показывая быстрое смещение точки вверх.

– Вот это скорость! Но почему он уходит на крышу? –

недоумевал босс. – Неужели использует вертолёт для эвакуации?

Шенски внимательно прислушивался к докладам, несущимся ему прямо в наушник. Тут же дублировал услышанное вслух:

– Нет, небо чистое... С противоположного края здания появилась группа наружной охраны... Они готовятся ударить со всех стволов по охотнику... Вряд ли теперь он вырвется... Есть! Мелькнул на крыше!.. И... Хм! Утверждают, что спрыгнул вниз... Иной наблюдатель утверждает, что скорость перед прыжком уже была огромная, у него одежда оказалась для планирования, упорхнул за угол соседнего небоскрёба, словно белка-летяга.

– Ты утверждал, что он не уйдёт! – Голос босса зазвенел от ярости и неприкрытой угрозы. Но это несколько не смутило внешне красавчика Галиара:

– Не надо забывать о нашей метке с помощью трония-413. Все наши силы уже начали смещаться к месту примерного приземления Вампира. Далеко он от нас не уйдёт.

– А если сменит обувь?

Шенски на это шумно, с досадой выдохнул, но признал откровенно:

– Тогда будет очень сложно его захватить в прицел. А то и вообще может временно от нас скрыться. Но потом мы его всё равно достанем.

– То есть вины за собой ты не чувствуешь?

– Нет, конечно! Ничего лучше сделать не получилось бы и у государственных служб. И только мы нащупали его каналы информации, только мы сумели вычислить его и заметить в толпе горожан, и только мы имели шанс убить его буквально полчаса назад, когда он, прикрываясь обычными людьми, приближался к «Пангирро». Но задача ставилась: уничтожить «гвоздь». Что и было выполнено.

– Да? Ты уже имеешь гарантии, что Вампир укусил Грэйхемцена?

– Гарантии?.. – словно задумался Галиар. И тут же довольно оскалился: – Уже имею! Перехвачены приказы самого «гвоздя» приготовить ему реанимационную палату в госпитале его имени. И принять там все меры безопасности. Сейчас его эвакуируют на крышу и ждут срочно вызванный вертолёт. Так же личный состав охраны в переговорах между собой откровенно ужасается случившемуся. Мелькнуло пару раз слово «укушенный», а также словосочетания «кровь на шее», «здоровенный укус» и «отмеченный Вампиром». По городу объявлена всеобщая полицейская тревога...

Пока директор отдела вёл подробное перечисление всех действий полиции, глаза босса неотступно следили за оставшейся в здании точкой. Она довольно медленно тоже смещалась на крышу. Затем рот раскрылся, выпуская наружу слова, полные злорадства и торжествующей мстительности:

– Ну что, Рома, допрыгался? И много тебе помогли твои миллиарды? Хе! И много они тебе помогут при лечении? Те-

перь будешь гнить последние часы своей жизни и корячиться от нестерпимой боли. Тогда и посмотрим, на кого ты молиться станешь. Тогда и узнаем, поддержит ли толпа своего кумира, которого ещё сегодня утром готова была носить на руках. Всё течёт, Рома, всё меняется...

Тогда как Шенски чувствовал себя совсем неудобно. Не желал он слушать такие откровения, пусть и в виде неразборчивого бормотания. Поэтому прибавил громкости своему рассказу, всем телом делая вид, что буквально заслушался потоком новостей, несущихся в его правое ухо. Ещё и левое ухо прикрыл ладонью, и от стола отвернулся, чтобы ни единого важного слова не пропустить. Якобы такой весь деловой! Такой весь активный!

Только вот начальство не оценило все его усилия. Голос скрипнул, переходя на окрик:

– Хватит паясничать! И не надо кормить меня чепухой! Мне плевать, что делает полиция, эти недоумки чёрта лысого поймают, но никак не Вампира. Лучше доложи о действиях снайперов. Ну?

– Да правильно они действовали, – защищал директор своих подчинённых. Но его артистическая мимика уже говорила о неутешительном итоге: – Гад. Ботинки сбросил. Одежду сменил. Пока к месту приземления наши примчались, от Вампира уже и след простыл. Сволочь. Шустрый. Хитрый. Дальновидный. Перестраховщик.

Он вроде и не ругался, а просто констатировал очевидное

ровным тоном, и это как-то разрядило обстановку в кабинете. Потом Галиар замолк, послушал чуток и сообщил новости:

– Прибыло три вертолёта. Один из госпиталя. Второй шефа полиции. Третий – помощника президента. Как только все на крыше уместились...

– И что?

– Оба высоких гостя обступили лежащего на носилках «гвоздя». Что-то оживлённо у него выпрашивают... Помощник президента сочувственно пожимает руку пострадавшему... О! Возле них корреспондент, снимающий всё это на камеру...

– Ну да! Разве упустит этот баран шанс засветиться на публике?! – негодовал босс. – Да ещё в данном случае?

– Политика. Низость. Двуличность.

За эти слова Шенски был удостоен жёсткого взгляда, полного подозрительности и строгости. А потом ещё и слов порицающим тоном:

– Ханжа. Демагог. – Но тут же тон сменился на заинтересованный: – Иначе говоря, уже сейчас эта новость выплеснулась в эфир и обсасывается всеми средствами массовой информации?

– Несомненно!

– О-о! Это хорошо! Значит, все сейчас ринутся к Роме со своими соболезнованиями. А в этой толпе и мы будем выглядеть вполне естественно. Правильно?

– Я бы не стал на вашем месте так спешить, – пустился в объяснения директор отдела. – Господин Грэйхемцен изначально будет окружён теми, кто претендует на долю от его наследства. Именно среди них он и может заподозрить тех, кто возвёл на него напраслину. А вот завтра с утра, когда он уже начнёт покрываться краснотой, вспухать и корчиться от боли – и настанет самое время для визита и соболезнований. Тогда у него уже и не возникнет мысли наслатъ предсмертное проклятие именно на вашу персону.

– Ну да, верно рассуждаешь... Пожалуй, так и сделаем. Распорядись, чтобы всё устроили что надо и подготовили... И подтверди секретарю, что я дальше остаюсь в непомерной занятости. Никто до вечера меня не должен беспокоить.

– Понял. Могу уходить?

И столько лицедейства прозвучало и проскользнуло в облике и словах чернявого красавца, что в ответ послышался смех:

– Конечно, можешь! И не надо так скорбно изгибаться всем телом и с укором заглядывать мне в глаза. Награду ты заслужил, и сейчас я её переведу на твой счёт.

– Да я и не сомневался!..

– Топай, топай! – Вновь отблеск алмазов на кольцах мигнул многозначительно и внушительно. – Мне и в самом деле некогда... – А когда дверь за ушедшим плотно прикрылась, в кабинете прозвучало издевательски-насмешливое брюзжание: – Пусть поломают головы, чем это можно заниматься

в такой момент! Ха! А я попросту возьму и напьюсь! Имею право. И выпью за самую мучительную кончину этого ублюдка... чтоб ты издох, Рома!

Глава 3

Мирские забавы

– Эй, девочки! Вы всегда такие очаровательные или со съёмом в кино прямо сюда явились? Присаживайтесь! Угощаю любимым коктейлем!

Две длинноногие, семнадцатилетние девицы осмотрели меня оценивающе с ног до головы, еле заметно улыбнулись, и одна из них выдала:

– Дядя, сейчас твоя жена подойдёт, придётся для тебя «Скорую» вызывать. Оно тебе надо?.. Так что мы лучше пойдём...

Понятно, не прошёл фейсконтроль. Мужчины моего возраста им ещё не интересны. Слишком молоды и глупы, ищут принца на белом коне, который их одним взглядом или пинком забросит на седьмое небо.

Но я здесь для того, чтобы проверить все шансы, предоставляемые мне фортуной. Я настойчив, азартен и несколько не комплекую после отказов, даже самых резких и не всегда тактичных. Благодаря этому мне везёт всегда.

Вот и сейчас, только проводив взглядом задиристых малолеток, но так и не погасив мечтательную улыбку на лице, вновь поворачиваю голову на поле ведущейся охоты. И сердце ёкнуло в предвкушении: она! Девушка лет двадцати пя-

ти несколько растерянно оглядывает данный зал в поисках кого-то. А я вовремя привлекаю её взгляд к себе вскинутой кверху рукой и радостной мимикой. Ещё и голосом не стесняюсь в меру громко добавить:

– Здесь я! Давай ко мне!

Умею я выбирать место, давно учусь этой стратегии. Посредине изогнутого бананом зала барная стойка, и я на самом удобном стуле. Если кто кого ищет, обязательно до этой точки добирается, чтобы окинуть взглядом весь зал. Вот тут и надо вовремя подсуетиться, каждый раз напрягая свою фантазию на что-нибудь новенькое или изменив нечто забытое старенькое. Иначе часто сидящие здесь завсегда и, друзья, подруги и прочие знакомые уважать перестанут, коль я часто начну повторяться. А так делают вид, что меня не слышат и не видят, но позже обязательно перебивают мне косточки с перцем, потому что личность я в здешней тусовке всё-таки известная, заслуженная и (хочу в это верить) весьма востребованная.

Девушка в недоумении уставилась на меня, прищурилась, пытаюсь припомнить, где и когда мы с ней могли познакомиться. Следовало поднажать:

– Недавно видел Кати, она вскоре к нам подойдёт.

Названное мною имя в последние месяцы самое популярное в центре. И не потому, что разные Кэт, Катерины или Катхен собрались в наш город со всего мира как мухи на мёд. Нет, здесь просто принято раз на квартал или полквартала

вводит моду на конкретное мужское и женское имя. Чаще они совпадают с именами истинных «Мисс» или «Мистер» красоты, побеждающих на весёлом ежемесячном конкурсе, и ими представляются потом все кому не лень. Путаница, конечно, огромная, зато всем весело, традиция понравилась и всегда можно обозначить время, ссылаясь на: «Когда я был Фредди, а ты Мари...»

– Будешь коктейль или свой любимый сок?

Взгляд красотки на меня стал более заинтересованным. С упомянутой Кати могло не прокатить, но вот раз я знаю её любимый сок, это уже говорит о многом. Вдруг она и сама позабыла о знакомстве с приятным, моложавым мужчиной? И ведь можно легко проверить, благосклонно разрешив заказать именно тот, самый любимый напиток. К тому же мужчина (это обо мне!) одет весьма прилично, высокий, подтянутый, не уродливое лицо блондина, не хамит, совершенно трезв и ни на что, кроме общего трёпа об общих знакомых, не претендует. Да и себе взял один из самых дорогих коктейлей.

Всё это промелькнуло наверняка в сознании незнакомки, когда она шагнула в мою сторону со словами:

– Ладно, давай мой сок.

Дальше на первое место выходил фактор удачи вкупе с соучастием и наблюдательностью. Можно было перехватить избирательный взгляд, брошенный посетительницей на громадные бутылки с красочной наклейкой именно нужного со-

ка. Ведь недаром я сижу на этом месте, прекрасно зная, *что* у меня за спиной и в какой именно точке зеркальной витрины. Вот и ловлю внимательно тот момент, где взгляд соискательницы озарится удовлетворением узнавания. Это получается – если не моргну в самый ответственный момент.

Можно ещё сказать бармену: «Ей как обычно!» И тот даст безошибочный вариант. Они тут не только знают всех, но и обладают истинным даром предвидения, заранее угадывая все прихоти клиента. Жаль, что не всегда.

Ну и банальная удача, отталкивающаяся от умения проводить молниеносный анализ ситуации. Девушки произвольно подбирают камни на серьгах, поясе или сумочки с туфлями именно под цвет своего любимого сока. При этом он должен быть дорогой, вкусный и сладкий. Правда, встречаются и оригиналки, употребляющие морковный, свекольный или томатный сок. Но и в таком случае остаётся свобода для манёвра словами.

На девушке был поясок яркого апельсинового цвета и такого же цвета сумочка. Но при этом она выглядела персоной, одетой более чем изысканно. Значит, не апельсиновый, а...

– Один манго для моей подружки! – Судя по дернувшейся вверх брови и расширившимся зрачкам, я попал с заказом в яблочко.

Теперь следовало развить успех, делая при этом что угодно, лишь бы незнакомка не начала задавать вопросы. Для этого надо сделать три вещи: поразить, рассмешить и сделать

всё возможное для создания впечатления о себе как о человеке равнодушном к женским прелестям. Иначе говоря, просто веселиться, словно ты проводишь время, встретившись со своим старым товарищем.

Конечно, любая дама может обидеться, если джентльмен не станет восхищаться её красотой и сыпать комплиментами. Особенно дама, знающая себе цену. Но тут особый случай: я намного старше незнакомки; она не в игривом настроении; явно не ищет богатого «папочку», годного для соблазнения. А значит, мне придётся изгаляться в поте лица.

– А ты помнишь, почему толстокожие лимоны не рекомендуются к употреблению? – И тут же перехожу к сути: – Да потому что поспевающий лимон, если его не сорвать в конце осени, на зиму вновь становится зелёным. А в следующем году желтеет повторно. Но при этом у него толстая кожура и втрое меньшее количество нужных витаминов!

Уже явное движение бровей, говорящее, что она не знала. Значит, пора пускать в ход анекдоты. А их у меня с избытком, на все случаи жизни. Пусть и старые, но рассказчик я неплохой, и вот уже девушка фыркает в бокал с соком, а потом и вообще заливается звонким смехом. Второй анекдот, вдогонку первому, и тут же самые последние местные новости:

– На втором этаже любители сегвея устроили кучу-малу, в которой Элен-малая (знаешь её, такая, в очках?) сломала ногу. Вот криков-то было!

Анекдот. Ещё анекдот! Попытка вскользь заинтересовать новым роялем на пятом этаже. Очередная сплетня про самого крутого здесь диджея. Анекдот. Вопросы на засыпку по выставкам художников. Смешная история о талантах кисти и палитры. Очередной анекдот. И после вопроса о разминочке в кегельбане получаю неопределённый ответ:

– Да я и пришла часик-полтора посбивать кегли...

Ну чем не подарок судьбы? И я его моментально использовал. Заверил, что надо мчаться на этаж с кегельбанным немедленно, пока там свободно. Иначе потом придётся ждать очереди. Да и сам я, мол, только и ждал кого-нибудь в парники:

– А остальные друзья вместе с Кати потом сразу туда подтянутся.

И довольно удачно увлёк очаровашку за собой, заливаясь соловьём и заговаривая зубы. Теперь бы только не обломилось!

Не скрою, бывали и в такие вот минуты начинающейся близости срывы и досадные промахи. То подруга вдруг заявится, то прежний любовник кандидатки на ночь встретится, то сам что не так ляпнешь, но...

Но всё-таки! В данный момент я чувствую, как во мне поднимается и крепнет уверенность, что именно сегодня я опробую этот великолепный персик! Жизнь прекрасна! И как не радоваться...

Только что это? Что здесь делает столько полиции? И по-

чему они у всех поголовно проверяют документы и сканируют отпечатки?

Я замер на месте, непроизвольно заслоняя собой свою новую знакомую, имя которой так и не удосужился выяснить. А может, и специально заслонил? Пытаясь при этом обнять... Как бы непроизвольно...

Причём свои вопросы умудрился задать вслух.

На что тут же получил приправленный иронией ответ:

– Ты что, не в курсе? По всему городу ищут Вампира, который укусил Рому Грэйхемцена.

– Ух ты! Это который глава корпорации «Пангирро»?

– Он самый. И ты ведь знаешь, насколько он популярен в массах.

– Ещё бы! Но если ищут Вампира, то почему проверяют и всех подряд женщин?

– Так в последние часы стало известно, что в главном офисе находились две сообщницы кровожадного убийцы. Они помогли ему проникнуть внутрь, а потом и сами успели скрыться из здания. При этом сумели выкрасть все секретные счета корпорации и какие-то ценные бумаги господина Грэйхемцена.

Рассказывая это, девушка достала и свой документ из сумочки, готовясь его предъявить приближающейся цепи полицейских.

– Жуть-то какая! – возмутился я, доставая свои документы и стараясь выбрать самую выгодную позицию во время

предстоящего действия. – Как же он мог держать возле себя таких предательниц?

– Говорят, что они были его любовницами.

– А-а-а... вон оно что! – Отсутствием логики я не страдал и всегда при случае не стеснялся ею похвастаться. – Так ведь вся собака зарыта в другом месте. Верно? Эти женщины имели доступ к счетам своего шефа, и пока того пытались спасти после метки кровопийцы, они преспокойно украли всё самое ценное. И смылись! Правильно?

– Не знаю, но слухи такие пронеслись. Хотя большинство утверждает, что девицы – всё-таки сообщницы неуловимого преступника. Вот бы у полицейских спросить...

– Ага, так они тебе и скажут! – понизил я голос до шёпота. – Только то говорят, что им выгодно...

В общем, народ, даже будучи слегка навеселе, с большим пониманием отнёсся к неожиданной проверке документов. Никто не роптал, даже те, кто оказался ни с чем и как-то подпадал под критерии разыскиваемых преступников. Они просто молча, со смирением выходили из зала, будучи уверенными, что после более тщательной проверки личности в специальной машине их отпустят на все четыре стороны.

Нам тем более бояться было нечего, и я первым протянул документ идентификации подошедшему к нам лейтенанту. Он его проверил, подставил сканер под мой указательный палец. Вернул, проворчав:

– Приятного отдыха!..

Хотелось злобно рыкнуть, что у меня с крючка может сорваться золотая рыбка по его вине, но я промолчал. Мне в тот момент было не до того. А вот та самая рыбка не побоялась возмутиться безобразием:

– Неужели преступники, после того как украли миллиарды, посмеют прийти в такое вот публичное заведение? Да здесь же видеокамер наткано больше, чем людей и сотрудников.

– Наше дело маленькое, мадам, – вроде как с ленцой отвечал лейтенант. Но глаза его не хуже рентгена осмотрели женскую фигурку. – Нам приказали – мы выполняем.

Потом опять сосредоточился на вычитке карточки. И я наконец-то рассмотрел всё, что мне требовалось. А конкретнее имя стоящей возле меня красотки:

«Хм! «Моника М. Чамзини»! Надо же, горячих южных кровей девица, хотя, если присмотреться, в самом деле на итальянку похожа... Но теперь-то у меня козырь в рукаве появился. Работаем!»

И мы двинулись дальше, скорей всего к одной цели. Ведь для соблазнения женщины самое главное, что надо – это время и умение говорить. И за полтора часа предстоящей игры я уговорю кого угодно. Ну... в подавляющем большинстве случаев мне подобное удавалось.

А уж в такой обстановке!..

Обожаю это место! И чаще всего спешу отдохнуть после работы именно здесь. А мэру нашего города, за построй-

ку этого Молодёжного Развлекательного Центра Искусств (MePЦИ, как мы его называем сокращённо) готов и руку пожать, и выпивкой угостить, и свечку поставить, и даже в нашу компашку пригласить.

Кажется, подобного центра, размером с гигантский стадион, ни у кого нет, только у нас. Громадный, на шесть этажей, с постоянно действующими выставочными залами, дискотеками, мини-барами, кинотеатрами, СПА, саунами и небольшими бассейнами, мини-бутиками, кегельбаном и даже кёрлингом. Причём на двух этажах можно ездить на сигвеях, арендуемых за сущие центы. Да что там говорить, всё остальное тоже стоит символические деньги, а кое-что предоставляется бесплатно, за счёт города. В общем, легче перечислить, чего здесь нет, чем то, что есть.

Народа здесь вращается тучи. Большинство молодёжь, а то и дети с десятилетнего возраста. Но и людей моего возраста завались, и постарше меня обретаются с удовольствием. Ибо здесь отыщется всё, кроме Интернета и электронных игр. Занятие, спорт, развлечение, викторины, забавы и подвижные игры – на любой вкус и для каждого. В эпоху засилья Интернета, когда каждый теряет себя как личность в игровых баталиях всяких «стрелялок-убивалок», даже удивительно становится от такой посещаемости. Кто раз, а тем более два раза побывал здесь, уже тянется сюда инстинктивно. Потому что обязательно отыщет себе увлекательное занятие, досуг или развлечение.

И общение! Здесь любой посетитель быстро отыскивает свою компанию по интересам.

По вопросам внутренней безопасности наша MePЦИ, как мы в обиходе называем центр, впереди планеты всей. Камерами утыкано всё, и просматривается буквально каждый сантиметр пространства, кроме кабинок в туалетах. Вначале это кажется несколько странным, даже смущает, но уже к концу первого посещения об этом забываешь напрочь, настолько тут интересно и разнообразно. Да и чего скрывать честному человеку, который ничего преступного не совершает? Этот вопрос мустируется и подчёркивается во всех рекламных плакатах, информативных бюллетенях и висящих возле входов вывесках.

Правильно! Нечего ему скрывать.

Потому здесь и не крутятся распространители наркоты, химической гадости, ядовитых галлюциногенов или мерзко действующих на умы таблеток. Потому здесь и чувствуют себя очень некомфортно любители похулиганить, подраться или упиться вусмерть. Ради этого наш мэр (опять хвала ему до небес!) протолкнул специальные суровые законы, которыми внутренняя служба безопасности центра пользуется с невероятной эффективностью.

Другой вопрос, что за эти весьма популярные в народе нововведения нашего славного мэра пытаются сожрать иные чиновники. Да ещё как пытаются! Мол, нецелевое расходование казённых средств, нечеловеческие законы, нетоле-

рантные строгости... которые мешают воровать рвущимся к власти дегенератам.

Судебные тяжбы идут постоянно. Кляузы и доносы льются Ниагарой. Сражения, в которых на стороне нашего мэра выступают самые искренние его почитатели, а с другой – всё подлое, гадкое и грязное, своими отголосками на всю страну разлетаются. Доходит порой до крайностей...

Но сейчас мне об этом вспоминать не хотелось, отдых всё-таки. И очаровательная нимфа рядом, которой следует уделить всё своё внимание, сосредоточить на ней максимум умственного потенциала и задействовать всю глубину моего жизненного опыта. Желаемый, вожденный результат того стоил.

Я старался. Что надо – задействовал. Где следовало – льстил и сыпал комплиментами. Когда удавалось – блистал своим остроумием и удивлял тонкой иронией. При всём при этом старался показать себя человеком серьёзным, не нарушающим данное слово и никогда не позволяющим пренебрежительно относиться к прекрасной половине человечества. Истинные, настоящие женщины подобное ценят. Ну а глупые овцы, так от тех я сразу сбегая, как только раскрываться начинает их гнилая сущность.

Все мои старания новой знакомой были подмечены с нарастающим интересом. Я был одарен возросшей благосклонностью. А в финале оказался награждён высочайшим доверием и допущен к прекрасному телу.

И вот мы с Моникой в постели. Где после часа интенсивного кувыркания, не прекращая поглаживать эрогенные зоны любовницы, я начинаю серию своих, давно спланированных и выверенных вопросов:

– А как тебе нравится больше всего?.. А если вот так?.. Или вот так и так?..

Естественно, что и Моника не стала скрывать недоумения:

– Не поняла... А как это? Подобное невозможно!..

– Конечно, невозможно, – соглашался я, продолжая чувственно ласкать расслабленное женское тело. – Подобное возможно, когда там, внизу, будет ещё один партнёр. Или партнёрша. Ты только представь себе, что сейчас вместо моего пальчика там чей-то язычок...

Никогда не забивал себе голову обывательской моралью. Или косным ханжеством некоторых религий. Особенно в той части, где утверждалось о бережном, джентльменском отношении к женщинам. И где утверждалось, что, однажды сохранив прекрасную незнакомку, мужчина прямо-таки обязан на ней жениться. Моё кредо выражается в старом, но достойном каждого истинного мужчины выражении: «Всех женщин мира перепробовать не получится, но стремиться к этому надо всю жизнь!»

Кстати, многие нимфы придерживаются того же, только в отношении мужчин.

Вот потому я и не женат в свои сорок лет, хотя и выгляжу

не старше тридцати пяти. Вот потому и предаюсь оголтелому разврату чуть ли не каждую ночь, утро, вечер, а порой и весь день (если выпадает выходной или не надо тащиться на обязательную работу). Оно того стоит, чтобы наслаждаться прелестными женскими телами, ни о чём не думая, ничем не заморачиваясь и никуда не спеша.

А уж сам процесс знакомства! Да со сладким предвкушением предстоящего коитуса! О-о! Сказка! Вулкан свежих чувств, ярких эмоций, таинственности и каждый раз новых ощущений! Только сама фаза знакомства, сближения и первого поцелуя – сродни всем последующим страстным безумствам.

Причём мои широкие, современные взгляды позволяют один и тот же персик сорвать как минимум дважды. Первый раз – при индивидуальном коитусе с почти незнакомкой. И второй – когда мы предаёмся бурным сексуальным утехам уже в компании с иными партнёрами и партнёршами. Ибо именно тогда, как правило, женщина раскрывается более полно во всей своей чувственности, фантазии, искренности и резвости скрываемого прежде темперамента.

Главное перед вторым разом суметь убедить представительницу прекрасной половины человечества, что стесняться не надо, комплексовать – тем более и что её в тесной компании никто и словом не обидит. И доказать словами, что предстоящее действо – самое то, чего не хватало в её жизни. По поводу обид для женщин особенно важно: ведь они все-

гда опасаются розыгрыша, едких насмешек и надуманного чаще всего позора. А вот когда понимают, что их приглашают расслабиться искренне, от всей души, и будут при этом относиться как к лучшему другу, сохранив все тонкости отношений в тайне, соглашаются почти на всё.

Вот и Моника ломалась и возмущалась недолго. После моего отработанного комплекса разъяснений всё-таки поинтересовалась:

– Неужели тебе меня одной мало? Обязательно ещё и подругу брать?

Подобный вопрос сразу значил, что она уже согласна на трио, где двое мужчин и одна женщина. Но и не против позвать в нашу компанию свою или мою подругу. Тут уже зависело от наличия у неё именно нужной знакомой, которая пойдёт на подобную забаву.

Но на вопрос следовало ответить, и я вновь повторил уже не раз сказанное:

– Количество поз для оргазма при наличии ещё одного партнёра или партнёрши сразу удваивается. К примеру...

Примеров у меня всегда хватало с излишком.

– А если нас будет четверо?

– При наличии двух дополнительных партнёров количество поз возрастает в геометрической прогрессии. Иначе говоря – вчетверо.

После чего с воодушевлением, не забывая при этом ласкать и поглаживать где следует (очень важно!), перешёл к

описанию иных примеров.

Подействовало. Принципиальное согласие Моники было получено. И мы уже вдвоём приступили к обсуждению возможной кандидатуры и выбору пола предстоящего партнёра. Кстати – тоже весьма приятный и полный предвкушения момент. В особенности если девушка всё-таки решает привести свою подругу.

Следующий вечерний отдых представлялся ещё более насыщенным бурными и страстными эмоциями. Вот она – настоящая жизнь!

Глава 4

Ожидание покаяния

По всем признакам бедняге Грэйхемцену грозила печальная, мучительная смерть в ближайшие дни. Потому что подобных прецедентов уже имелось намного более двадцати. Конкретно: двадцать восемь. Именно столько жертв насчитывала прежняя статистика, учитывающая всех людей, укушенных Вампиром.

Лечения от этого не существовало. Наркотики, даже самые сильные, тоже не помогали убрать болезненные ощущения. Медицина, знахарство и даже нетрадиционные методы оказывались бессильны.

Первые сутки после укуса человек покрывался краснотой и синюшными разводами, начинал опухать. Уже тогда у него возникали порой ощущения, что его кожу рвут на части, протыкая её при этом тысячами иголок. И страх! Сознание человека сковывал жуткий, леденящий страх. В перерывах между всплесками боли он вздрагивал от каждого громкого звука, морщился от говора родных и раздражался от яркого света.

Вторые сутки проходили под усиливающиеся болевые ощущения. Кожа вспухала ещё больше, начинала трескаться и кровоточить. Уже тогда, в большинстве случаев, пациент

прекращал всякие самостоятельные работы с клавиатурой, не мог писать, у него всё двоилось перед глазами во время чтения. Ну и паузы некоторого облегчения наступали гораздо реже, доходя постепенно всего лишь до пяти минут в течение часа.

Третьи сутки – начинало вздуться всё тело. Боли становились постоянными и лишь разнообразились по силе или по месту на теле. Орущая от боли жертва приходила в осмысленное сознание очень редко.

На четвёртые сутки пострадавший, как правило, начинал сходить с ума.

В конце пятых суток вздувшееся чудовище, никоим образом не похожее на человека, с растворившимися в гнили внутренностями и костями умирало.

Никаких врачебных рекомендаций не существовало. Любое вмешательство или попытка облегчить страдание лишь многократно усиливали боли и приближали смерть, сводили в могилу всего лишь за трое суток.

Но одно спасение от болезненных кошмаров всё-таки существовало. Хотя о нём никто из первого десятка «укушенных» не признался даже перед лицом мученической смерти. Называлось оно просто и не витиевато: покаяние. Лишь двенадцатый по счёту, сенатор Чарли Бузинский, на вторые сутки после укуса собрал вокруг себя представителей прокуратуры, нескольких следователей, самых прославленных корреспондентов и операторов ведущих телеканалов. После че-

го устроил свою предсмертную пресс-конференцию. И начал с самого страшного, но не сразу оценённого для присутствующих предупреждения:

– Если вы утаите хоть слово из моего покаяния, то вас настигнет в течение месяца смерть от руки Вампира. Если кто сомневается в своей совести, ещё имеет возможность уйти.

Тогда никто из тридцати не ушёл, все были взбудоражены предстоящим заявлением и думали примерно одинаково:

«Предвидится сенсация! Сейчас я услышу великие откровения и стану знатоком великих тайн! И чего мне бояться? Тем более что у меня есть начальство, и не от меня всё в этом мире зависит».

Чарли Бузинский частил словами более часа. О том, кого и как он убил лично в своей молодости, кого приказал убить впоследствии, у кого где и сколько украл, какими махинациями занимался в последнее время и прочее, прочее, прочее... И к концу его исповеди очень многие из присутствующих пожалели, что остались и всё это выслушали. Ведь чаще всего от многих знаний – многая печали.

Нет, сенатор всё равно умер в начале шестых суток. Точно так же сгнил и превратился в вонючую жижу, как ранее «укушенные». Только вот последние трое суток он не метался и не орал от боли, а просто тихо умирал с блаженной улыбкой идиота на расплзающемся подобии лица. Но с тех пор сразу по всей стране и за её пределами вошло в жизнь многозначительное выражение:

«Покаялся, как Бузинский!» или «Покайся, как Бузинский, иначе...» – и много куч производных словосочетаний от этих, ставших нарицательными.

А вот с теми, кто выслушал исповедь, оказалось ох как не просто. Половина из них затаила материалы или кардинально извратила их. А потом ещё и начала поливать грязью тех коллег, которые донесли миру всё услышанное дословно. Вот эти пятнадцать человек и пали первыми жертвами начавшего убивать Вампира. Он их не кусал, он им просто и весьма показательно сворачивал головы. Невзирая на пол, старость, инвалидность, многодетность или прежние заслуги перед обществом.

Ещё шестерых, оказавшихся честными, принципиальными и начавших раскручивать маховик следствия, убили типы, заинтересованные в их молчании. Но было поздно, всё равно правда стала известна всем. Волна последствий прокатилась по всему миру. Начались аресты, многие лишились своих высоких должностей, многие сменили роскошные пентхаусы или приморские виллы на одиночные камеры. Многих банально растерзали разгневанные мстители, узнавшие, от чьих рук погибли их ближайшие родственники или по чьей вине рухнуло дело всей их жизни.

Но именно с Чарли Бузинского сугубо криминальный характер жутких убийств резко преобразовался в сонм острополитических, экономических и личностных проблем. И вот уже более чем три года каждый «укус Вампира» сопровож-

дался всесокрушающим интересом и пристальным вниманием почти всего мирового сообщества. Потому что порой на свет всплывали такие информационные бомбы, что впору было говорить о резкой смене курса развития всей цивилизации.

А «укушения» с последующими жуткими смертями каждого «укушенного» продолжались довольно регулярно, примерно раз в два месяца. Или чуть реже.

Но это не значило, что каялись все. Тринадцатая по счёту жертва заявила о своей невиновности и умерла в жёстких мучениях. Четырнадцатую жертву попросту взорвали вместе с госпиталем.

Пятнадцатый человек покаялся, умирая затем в блаженстве и покое и проклинаясь всеми своими подельниками и соучастниками преступлений.

Шестнадцатый и семнадцатый покаялись. Следующих троих добили, чуть ли не в первый же день после «укуса». Причём старались больше всех, как это было ни прискорбно, их ближайшие родственники.

Последних восемь жертв охраняли со всем тщанием, не сумев уберечь только одного. Из них покаялись трое, четверо заслужили некоторое уважение своим мужественным молчанием. Но в глазах народа они остались банальными, так и не покаявшимися преступниками. Потому что, сколько бы ни ловили Вампира, в чём бы его ни обвиняли и что бы ему ни инкриминировали, уже сложилось чёткое мнение

о жертвах:

«Если его или её укусили, значит, *оно*: редчайшая тварь, кровавый убийца, мерзкий преступник и циничный ублюдок. И *оно* полностью заслужило такую смерть!»

Порой добавляли: «Не *такую*, а ещё худшую смерть!» А убийцу, убивающего таким экзотическим способом явных преступников, называть стали по-разному, начиная от «посланника небес» и заканчивая «палачом геенны огненной». Но больше всего прижилось в народе определение «посланник высшей справедливости». И даже сокращение появилось в быту, звучащее примерно так: ПВС.

То есть Вампир в мыслях обывателей занял весьма почётное и уважаемое место.

На кухнях домохозяйки частенько говаривали:

– Интересно, кто следующий попадёт на зуб к ПэВээСу?

– Да-а... Что-то давно наш ПВС никого не кусал. Зажрался? Или...

– ...или все такими честными стали?

Увы, честными становиться никто из преступников не спешил. Пока...

Рома Грэйхемцен оказался в этом списке двадцать девятым. И с первых же минут, после распространения этой новости, реакция всколыхнувшейся общественности оказалась весьма и весьма неоднозначной.

Одни громко вопили и откровенно радовались. Возносили молитвы своим богам и рьяно доказывали, что высшая

справедливость на свете всё-таки существует. При этом проклинали Рому и желали ему мучиться годами, а не пять дней.

Другие банально не верили поначалу в случившуюся трагедию. Возмущались поведению первых, самых злорадствующих. Недоумевали странному выбору Вампира и совершенно не верили в виновность Грэйхемцена. Даже начались на второй день стихийные митинги и демонстрации, декларирующие немедленного разбирательства инцидента, поиска виновных, которые явно подстроили покушение, сымитировали, нападение ПВС и таким образом убрали с арены наиболее популярного и наиболее честного миллионера в истории планеты.

Потому что Грэйхемцен таковым и являлся по всем опросам, оценкам, статистикам и общественным мнениям. Вся его биография, каждый его шаг описывался и освещался неоднократно. Его перепроверяли, изучали и пытались поймать на лжи многократно. Ему много раз инкриминировали разные преступления, кражи, даже убийства, но после судебных разбирательств всё это оказывалось наветами. Ему не верили, когда он вкладывал заработанные миллионы в благотворительность. Его презирали, когда он создавал рабочие места для своих соотечественников, теряя при этом очередные миллионы. Созданную им корпорацию пытались разрушить всегда, ежедневно, а то и ежечасно. На него постоянно лилась грязь со страниц газет и со страниц периодических изданий. Его старательно оплёвывали, стараясь порой вооб-

ще умалчивать любые позитивные начинания.

Народ в своём большинстве его любил. Народ за него сражался.ROME посвящали не только стихи и песни, ему преподносили великие произведения искусств художники и скульпторы. Его одаривали своим вниманием самые прославленные спортсмены и артисты. К нему стремились попасть на работу лучшие учёные и самые талантливые практики. Да и завидовали ему не со злостью, а с восторгом, приговаривая:

– Вот он какой! Не то что остальные!..

Грэйхемцен создал всемирно известную корпорацию «Пангирро». Только в ней непосредственно работало сорок три тысячи человек. А если считать смежников и прочих им подобных, цифра завязанных на него людей легко перескакивала за миллион. На его миллиарды поддерживались разные общественные программы. Существовали сотни благотворительных фондов. Его силами и влиянием прикрывались и пользовались честные чиновники, борцы с наркотиками, противники военного противостояния, разоблачители воровства и обмана во всех сферах бизнеса, политики и деятели межконфессиональных отношений.

И прочее, и так далее, и тому подобное...

Но в то же самое время господин Грэйхемцен никак не был святым. У него тоже имелись некие человеческие пороки, за которые его нещадно колотила судьба, высмеивали средства массовой информации и со скрежетом зубов выслушивали поклонники и последователи. Общая харизма и

эти пороки переваривала и обращала во благо своему носителю, но... Всё равно не справлялась с некоторым негативным мнением.

А именно: Рома оказался совершенно не приспособлен к семейной жизни. Только официально он женился одиннадцать раз, имел от этих браков девятнадцать детей, и спасало его от полного, тотального разорения при разводах лишь скрупулёзное и верное составление брачных контрактов. Иначе его никакие организаторские таланты не спасли бы от нищеты и забвения.

Помимо жен он и кратковременных сожительниц менял регулярно, не удерживая возле себя больше месяца. В итоге частые скандалы, дразги, склоки, основанные лишь на одной теме супружеской неверности.

О каждой рассказывать – долго и муторно.

И вот всё это кончилось. Слава, богатство, всемирная популярность, развратное соительство с королевами красоты...

Рома оказался в госпитале своего имени, построенном на его деньги, и готовился к смерти. А вся страна, да и весь мир замерли в ожидании. Всех волновал только один-единственный вопрос: состоится покаяние или нет?

И когда на вторые сутки после «укушения» пронеслась весть, что вскоре в прямом эфире состоится выступление жертвы Вампира, все ринулись к экранам телевизоров. Кто не успевал – собрались перед общественными телеэкранами

на площадях. Кто мог – задержался на работе и в офисах, где имелось телевидение. Кто имел – уставились на экраны своих персональных коммуникаторов и телефонов.

Все вздрогнули непроизвольно, когда увидели на экранах ужасно изменившееся лицо всем известного человека. Именно все: и кто любил его, и кто ненавидел, и кто сомневался в нём.

И прежде чем услышать первое слово, каждый подумал:
«Не жилец...»

Глава 5

Покаяние или обвинение?

Внешний вид миллионера вызывал страх, неприязнь и омерзение. Но говорил Рома, как ни странно, твёрдым, решительным голосом, в своей привычной, полной харизмы манере. Ну разве что иногда кривился, видимо, от сдерживаемой с трудом боли:

– Ждёте моего покаяния? Так его нет у меня! Потому что ни в чём себя виноватым не ощущаю. Зато твёрдо уверен: гнев высшей справедливости, которая направляет руку Вампира, на меня обратили специально. Причём сделали это самым подлым и коварным способом, извратив все факты и существующие реалии. А раз мне всё равно умирать, то я постараюсь обрисовать вам всех тех, кто очень и очень заинтересован в моей смерти. А также высветить все мотивы их ко мне ненависти. Итак...

Когда он выговорился, некоторые сильные мира сего пожалели, что ещё вчера не взорвали госпиталь вместе с фундаментом. Ранее они считали себя в отношении Ромы практически безгрешными, ведь конкурентная борьба никогда, по их понятиям, не считалась преступлением. Но это лишь срабатывало в случае двойных стандартов. Зато если смотреть на всю возню и палки в колёсах с точки зрения непред-

взятого закона, то если уж не тюрьма, то общественное порицание грозило многим, с кем пересекались пути-дорожки господина Грэйхемцена.

К тому же на само покаяние собирались самые оголтелые, самые фанатично настроенные корреспонденты. Вместе с последними жертвами уже сложился этакий взвод самых отчаянных правдолюбов. Они не только каждое слово «укушенного» доводили до сознания своих читателей, слушателей и телезрителей, они ещё и сопровождали это каждое слово таким потоком развёрнутых комментариев, что некоторым фигурантам впору было стреляться. Или вешаться. Или из окна выпадать, как бы случайно. В последнем случае родственники погибшего имели возможность получить хоть какую-то страховку. Или помощь.

Мало того, в специально выделенном для пресс-конференции зале госпиталя господина Грэйхемцена внимательно слушали с десятков его самых рьяных сторонников и последователей. Присутствовал также контингент представителей прокуратуры, коих пригласили из числа лиц, наиболее непримиримых к несправедливости во всех её проявлениях.

Иначе говоря, уже к середине речи умирающего миллионера становилось понятным: он попытается захватить на «тот свет» как можно больше недоброжелателей. А если и не получится отомстить смертью, то уж седые волосы и погибающие стаями нервные клетки гарантированы большинству упомянутых «незлым, тихим словом».

Не погнушался Рома потоптаться и по государственным чиновникам, замешанным в коррупции, покрытии наркоторговцев и крышевании крупных преступных группировок. Досталось и сенаторам некоторым на орехи. Много, очень много появилось обиженных на жертву вампирского террора.

А ему и плевать было, всё равно недолго осталось мучиться. Как бы...

Потому что перед разрешением задать ему несколько вопросов Грэйхемцен заявил:

– И умирать просто так я не собираюсь. Верные друзья отыскали для меня один из редчайших вариантов излечения. Непроверенный вариант, правда, и не совсем изученный. Но у меня не остаётся выбора, когда остальная медицина бессильна. Поэтому отправляюсь уже сегодня вечером в Непал, в один из древнейших монастырей, где тамошние монахи применяют ко мне исцеление, дошедшее к ним из глубины веков. Никаких гарантий мне в полном излечении не дают. Но обещают растянуть предсмертную агонию на некоторое время. И болезненные ощущения в теле у меня постараются убрать до такого уровня, что я смогу продолжить работу посредством Интернета. Если это удастся, то данное моё общение с вами, уважаемые друзья, соратники и поборники за справедливость, не останется последним. Вот... А теперь несколько вопросов, пока у меня ещё осталось чуточку сил давить раздирающие меня болевые ощущения...

Сразу и последовал первый вопрос:

– Но ведь одного из пострадавших, укушенных Вампиром, уже отвозили в Непал. Ему нетрадиционная медицина не помогла. Почему вы согласились?

– Разве у меня есть выбор? – с сарказмом фыркнул Рома. – Подскажите какой? И куда мне обращаться?

– А что с вашими доверенными работницами, которые сбежали? – тут же затараторила известная на всю страну телеведущая. – И много ли они у вас украли?

– Увы... Очень много! Мне только и остаётся надеяться, что полиция проявит ожидаемый профессионализм и отыщет преступниц с минуты на минуту. Пока же их местонахождение неизвестно.

Далее разрешение на вопрос получил один из самых маститых журналистов:

– Господин Грэйхемцен, вы назвали очень многих лиц, которые совершали в отношении вас неблагоприятные поступки. Но вы так и не упомянули конкретно того человека, который умудрился направить на вас (по вашим же словам) руку возмездия в виде Вампира. Не говорит ли это о том, что вы оправдываете все преступные деяния Вампира и в то же время продолжаете бояться своего главного врага настолько, что не упомянете его на данной встрече?

– Сложный вопрос... – Рома страдальчески скривился от боли. – И отвечать на него долго... Но я попробую...

Сделал паузу, выпив громадную кружку не то чая, не то

травяного настоя, и только потом продолжил отвечать:

– Врагов я не боюсь. Знал бы имя самого главного – объявил бы его во всеуслышание. Да и он себя ничем не раскрыл, хоть я очень и надеялся на его злорадство вчера вечером или сегодня с утра. Но в любом случае судьба его или её обязательно накажет. От возмездия никому не уйти. Потому что понял важную вещь: Вампир – это не просто мститель или посланник некоей масонской ложи, проповедующей справедливость. Нет, он непосредственный исполнитель воли нашей планеты, нашей колыбели всего человечества, нашей великой Матери, называемой чаще всего Природой, вездесущим полем энтропии, неведомой субстанцией разума или тем же Богом.

Подобное откровение вызвало шквал новых вопросов, но состояние пациента резко ухудшилось. Его тело буквально выгнулось дугой от навалившейся боли, затем стало трястись от судорог, и врачи тут же увезли каталку во внутренние покои госпиталя.

Тогда как оставшиеся в зале, начав подниматься со своих мест, вздыхали с сочувствием и жалостью. Какие бы они ни услышали сенсационные заявления от Грэйхемцена, в его печальной участи никто не сомневался. Обращение к монахам какого-то монастыря – не более чем жалкая попытка отсрочить неизбежное. Все признаки губительных мутаций и начавшегося разложения организма налицо. И двадцать девятый «укушенный» закончит жизнь так же страшно, как и его

предшественники.

Да и сомневались многие, что отправка пациента в Непал состоится вообще.

Тем не менее, пока общественность всколыхнулась, резво обсуждая в течение оставшегося дня состоявшуюся пресс-конференцию, упакованное в громадный контейнер тело доставили на личный самолёт владельца корпорации «Пангирро». Причём меры безопасности при этом были предприняты не меньшие, чем при полёте самого президента в очаг международной напряжённости. Самолёт сопровождали во время всего пути не менее чем четыре истребителя ВВС.

Вначале этот факт вызвал резкий всплеск озлобленных насмешек со стороны врагов Грэйхемцена и его недоброжелателей. Дескать, труп боится умереть на пару часов раньше и для этого подкупил чуть ли не всё правительство. Иначе с какой стати такое заинтересованное участие военных коршунов? Ожидалась от них скорей противоположная реакция, ибо много генералов оказались «...причастны, замешаны, измазаны и дискредитированы» после выступления Ромы. Так чего им защищать и прикрывать жертву Вампира? Причина только одна: подкуплены!

Но не успели оппоненты толком «распеться», как мир облетела очередная новость. Да ещё и с видеокадрами воздушного сражения. Когда самолёт с логотипом «Пангирро» пролетал рядом с территорией одной скандально известной державы, его атаковало восемь истребителей. Практически весь

воздушный флот той державы, который оказался в тот момент исправен. Правда, качество техники нападавших оставляло желать лучшего – явно устаревшая и годная только к списанию.

Вот истребители сопровождения и порезвились, выпуская антиракеты по вражеским ракетам и лихо сшибая обнаглевших преступников. В итоге многострадальное тело Грэйхемцена всё-таки было доставлено в Непал в относительной целостности и в контейнерной сохранности.

А с державой стали разбираться. И с его руководителями – тоже. Фактически прирученное есть с руки правительство, живущее на финансовые подачки от мощных государств, и виляющая задом военная элита, вели политику профашистского толка. Но при этом нападали всегда на соседей по указке «перста дающего» и ни разу до сих пор не осмелились лаять в другую сторону. Имелся, правда, случай сравнительно недавно: сбили пассажирский лайнер и в ту же секунду подняли вой, что это дело рук соседей. Мол, те только и мечтают насолить новоявленным фашистам, вот и устроили провокацию.

Но сейчас-то подобные отговорки никак не проходили. Требовались повинные головы, чтобы замять международный скандал. Стали выяснять. Полетели первые оправдания: ошибка! Оказывается, самолёт и союзные истребители были приняты за агрессоров. На вопрос: зачем их потребовалось сбивать в чужом воздушном пространстве, тут же объ-

яснили: «Виноват командир эскадрильи!» Оказался под воздействием наркотиков, потому и спутал карты. Начато следствие, ведётся поиск виновных и главного злодея.

А чего его искать-то? Погиб командир эскадрильи весьма бесславно, точнее, с позором. Только два его товарища и спаслись, успев катапультироваться. Остальные пять «виновных» так и остались среди обломков.

Беда. Фатальная ошибка. Истинная трагедия.

Но всем стало сразу понятно: враги попытались уничтожить Грэйхемцена любой ценой и немедленно. Потому и дали команду «Фас!» прикормленным фашистам.

Так что на следующее утро общественность волновало два вопроса: «Дадут ли по сопелкам обнаглевшим фашистам?» и «В каком именно монастыре окажется умирающий от укуса миллионер?».

На первый вопрос от правительства последовало твёрдое заверение:

«Разбираемся! От наказания никто не уйдёт!» Президенту ещё сравнительно верили, так что и тут решили подождать. Да и справиться с фашистской двуличной державой казалось простейшим делом.

А вот на второй вопрос последовало совсем неожиданное заявление:

«Пострадавший глава корпорации «Пангирро» предпринял невероятные усилия по сохранению в тайне места своего пребывания. Этому также способствовали и особые условия

монахов, решившихся взяться за лечение пациента. Они категорически не желают сообщать миру о местонахождении своей обители. Но в ближайшие дни это выяснится. Потому что если Роман Грэйхемцен не выйдет на связь в ближайшие часы, то...»

Предположений было много, предсказаний – не меньше. Но час проходил за часом, а от жертвы не поступало никакой информации. Как и о состоянии его здоровья никто ничего не сообщал.

Глава 6

Иллюзия выбора

Наверное, меня можно и нужно называть метаморфом. Потому что данное прозвище Вампир мне страшно не нравится. Да и не соответствует действительности. Кровь я не пью и уж тем более ею не питаюсь. Ведь после моего укуса ни один человек не переродился до сих пор и не стал таким, как я. Хотя в этом, если положить руку на сердце и говорить откровенно, я бы ручаться не стал. Всё течёт, всё меняется, даже мои уникальные способности претерпевают изменения. Порой настолько резко, что мне самому становится страшно.

Ведь ещё совсем недавно я и лечить-то не умел, а сейчас вон какие таланты прорезались. Не только в лечении, но и в определении болезней стал лучше любого консилиума академиков. Могу не только в проходящем мимо меня человеке рассмотреть легкий насморк, но и от запущенного сифилиса вылечить страдальца, от цирроза печени спасти да и от раковой опухоли избавить. Не всегда и не каждого, ибо и тут для меня часто существуют определённые ограничения. Но... Очень приятно ощущать себя иногда сродни некоей божественной сущности.

Другой вопрос, что вот так просто, по собственному хотению или по доброте душевной, взять и избавить любого

человека от болезни мне запрещено. Этому должна предшествовать целая цепочка условий, подготовительных мероприятий, накопления информации, просмотр вариаций и получения сразу нескольких разрешений.

Ну и всю эту цепочку так долго и нудно разжёвывать надо, что сам стараюсь о ней вспоминать только в крайнем случае. Так что расскажу о ней подробней как-нибудь уже в самом процессе преодоления.

Что ещё меня в себе удивляет, так это постоянно растущая скорость передвижения. Пусть и не надолго, пусть и не на огромные расстояния, но у меня получается перемещаться со скоростью хорошо разогнавшегося гепарда. Для нормального человека, да ещё и в замкнутом помещении, все мои метания кажутся не более чем странным мельтешением воздуха.

Слух идеальный, позволяющий при определённой перенастройке услышать, как растёт трава. Зрение – дай бог каждому, в том числе и сказочному вампиру. Зрю в темноте без всякой навороченной техники в виде приборов ночного видения. При желании могу с расстояния ста метров читать газету. Или по отражению в зрачках стоящего напротив человека подсмотреть его карты, рассмотреть документы, а то и целую страничку сфотографировать в память, а потом неспешно разобраться с текстом.

Ну и ещё несколько ценнейших умений для комплекта.

Но самое главное, я умею меняться внешне. То есть ста-

новлюсь при необходимости молодым парнем, лет девятнадцати на вид, щуплым, даже излишне простецким и несолидным. Точнее – со стороны простецким. Потому как лицо моё настораживает каждого, кто его начинает рассматривать, а уж если мы встречаемся взглядами, любой человек начинает чувствовать себя неудобно.

Метаморфоза моего превращения лишает меня почти двадцати пяти килограммов веса и десяти сантиметров роста. Почему так происходит, понятия до сих пор не имею. Скорей всего мышцы и кости уплотняются, становясь многократно крепче, сильнее и выносливей. Зато при этом я дополнительно могу менять оттенок собственной кожи, цвет и длину волос, цвет глаз и структуру ногтей. Нет, в тигриные или медвежьи мои ногти не превращаются, но становятся на сантиметр-полтора длинней и приобретают при этом прочность пружинной стали. Стекло резать сложно, но зато ущипнуть, вырывая клочок кожи, получится даже толстокожего бегемота или бронированного носорога.

Что ещё касается превращения, так это мои странные сны. Мне весьма часто в них видится, как я становлюсь иным человеком, иногда превращаюсь в птицу, совсем редко – в змея. Последнее – очень неприятно, противно, вызывает тошноту даже во сне, и я стараюсь вернуться как можно быстрее в действительность. То есть проснуться. Потом в продолжение всего дня у меня плохое настроение и пронзающая всё тело нервозность. При этом надо мной тяготеет

чёткое ощущение (или предвидение с предчувствием?), что при желании и определённых тренировках я и в реале смогу превращаться в птицу или в змея. Или в человека с иной внешностью.

Но всё это следует делать комплексно, начав во сне именно с ипостаси холоднокровного, ползучего гада. А надо ли? Ведь стоит лишь вспомнить неприятные ощущения, как пропадает любое желание проводить над собой дальнейшие эксперименты. Умом как бы понимаю, что не зря оно мне снится, и для дела очень пригодились бы такие умения, но вот на уровне внутреннего естества ничего не могу с собой поделаться. И так тошно кусать всяких уродов, слюнявя их при этом и делая вид удовлетворения от выполненной работы.

Мне хватает и тех бонусов, что уже имею. Гадом быть не желаю.

Всё остальное время остаюсь сорокалетним мужчиной, который выглядит на тридцать пять. Причём великолепно выглядит. Хоть и не записной красавчик. Зовут мужчину Валентин Ф. Годвори. «Ф» – это второе имя Финк, с которым я связываю себя в ином теле. Основная профессия – художник. Побочная, в виде хобби – музыкант и звукорежиссёр. Официальная работа – при холдинге нашего столичного кинопроката. Рисую, монтирую в фотошопе банальные плакаты с рекламами фильмов. Их потом вывешивают не только по всему нашему городу, но и по стране, и за её пределами.

Честно говоря, работа не бей лежачего. Главное, раз в два-

три дня появиться до одиннадцати утра на глаза шефа и получить от него задание. Или отчитаться по сути ведущейся деятельности. Ну и когда-никогда сдавать уже готовый плакат. А там хоть трава не расти. Всё равно я на чистой сдельщине. Мог бы вообще дома сидеть и в нашем холдинге не появляться.

Но я обожаю общение. Боготворю живопись. Жить не могу без нашей тусовки. Млею от самого процесса коллективного подбора сюжета, обсуждений цветов, установки титров. Подобная атмосфера незаменима домашней индивидуальной работой. Ну и второй аспект – это знакомства. С кем я только не столкнулся в жизни благодаря своей работе, с кем только не познакомился и не подружился! И главное – каких только красоток я в нашем холдинге и вокруг него не встречал! Что есть для моей натуры прожжённого бабника – высшее жизненное удовольствие. Да и до сих пор лучший повод познакомиться с понравившейся нимфой – это наехать со строгим вопросом:

– Ну сколько можно вас ждать, принцесса?! Давайте проходите в студию, буду делать первые наброски!

Как бы женщина ни спешила и как бы презрительно ни относилась к нашей братии, шанс увековечить себя на портрете (и уж тем более на рекламе выходящего в прокат кинофильма!) её как минимум остановит на месте. Да и как не замереть в некотором раздумье после таких претензий? Женщина по природе своей теряется, когда незнакомый ей

мужчина начинает пенять за опоздание на рабочее место.

Только жалкие несколько процентов после моих наглых притязаний проходят мимо с гордо поднятой головой. Ещё реже звучит нечто этакое:

– Ничего с тобой не случится! Ждал двадцать лет – и ещё восемьдесят подождёшь!

О! Таких дам, с юморком и особо строптивых, я готов на руках носить. Потому что чем больше они сопротивляются, строя из себя высокомерных недотрог, тем слаще потом кажется одержанная победа. За такими экземплярами я готов бегать и увиваться до посинения. Ну и бегаю... ну и увиваюсь. Слава богу, вроде ещё не посинел.

Сегодня в нашем холдинге почти никто не работал. Вначале все активно обсуждали вчерашнее событие: как Вампир укусил Рому Грэйхемцена. А уж сколько версий прозвучало о кровавом побоище в здании концерна «Пангирро» – только оставалось поражаться! И откуда только взялись такие цифры, подобные детали и вообще такие сведения?

– Все первые этажи концерна залиты кровью! – с круглыми от ужаса глазами утверждал смазливый Брикс Мелон, наш специалист по шрифтам и мой главный конкурент по совращению всего прекрасного, что заманчиво шевелится. – Всю ночь ошмётки тел специальными машинами вывозили!

– А внутренние переборки верхних этажей начисто сметены взрывами! – заявила Мэтт Бьюрни, технический редактор нашего отдела. – Там трупы несчастных вообще опознать

не могут. Так ошмётки тел вкупе с каменным крошевом и сметают.

Тут я не выдержал и поинтересовался:

– Как же тогда сам Рома спасся, если там всё взорвалось?

– А он в бункере стальном прятался, – снисходительно, со знанием всех тайн мира пояснил Брикс. – Но Вампир его и там достал, выломав три бронированные двери.

Тут вмешалась, показав своё умение логично мыслить, и Юлия Санд:

– Так уж и выломал? Или всё-таки подорвал? – Это наша новенькая сотрудница, пришедшая только две недели назад на должность дизайнера.

Я старался на неё вообще не смотреть, ибо в противном случае начинал пялиться как на богиню, а мозги при этом сразу падали куда-то в паховую область. Кратко о её внешности следовало говорить, только сюсюкая и сглатывая после каждого слова слюну вождления: Секс-бомба. Супердевочка. Синеглазка-дюймовочка. Сахаринка медовая. Сладкоголосая сирена. Соблазнительница-совратительница. И так далее, и тому подобное... Разве что в конце следовало добавить с шипением очевидное и самое неприятное: С-с-стерва.

Потому что, по пронёсшимся слухам, Юлия являлась личной подстилкой генерального директора.

Хотя тут я немного кривлю душой. Ибо стерва она – не потому что подстилка, а потому что в самом деле вреднющая, наглоющая, с завышенным самомнением девица. Два-

дцать три года бабе, а так отвечает мужчинам на вполне невинные комплименты, словно сотню лет пробыла в элите общества феминисток. Или все эти сто лет развивала в себе ненависть к сильной половине человечества. Подобное для женщины вообще неприемлемо, а уж при такой ангельской да сексапильной внешности и подавно в голове не уместается. Уж на что я равнодушно и философски отношусь к отказам, но и то получил шок от первых минут общения. С тех пор стараюсь на неё не смотреть, не слышать и не думать о ней.

Наверное, какой-то во мне предохранительный механизм на эту Санд включился, раз она сразу оказалась вычеркнутой из списка объектов моего ухаживания.

Да и не только у меня. Вон Брикс Мелон, которому больше всех досталось вначале от стервочки, тоже отвернулся в сторону, шумно выдохнул через нос и проворчал:

– За что купил, за то и продал! – И тут же сменил тему, отводя внимание от себя: – Метт, а ты от кого про взрывы слышала? И что конкретно?

– Так у моей подружки брат в полиции работает, – пустилась в объяснения редактор Бьюрни, гордо поглядывая на нас, всех присутствующих. – Вот он и явился домой лишь под утро, а уж его сестра мне сразу же позвонила, как только сама всё выпытала. Взрывов было много, разбитые стёкла вылетали наружу со страшной силой. Есть пострадавшие среди прохожих. Хотя все сразу стали от здания разбегаться,

но не все успели. Но зато многие навели на здание камеры, успев зафиксировать летящее с крыши тело Вампира. Всё снять не удалось, помешали здания по соседству с «Пангирро», но засекли его почти до самой земли. Он использовал вингсют для полёта...

– И это неправда! – умудрилась Юлия проскрипеть своим ангельским голоском, словно какая-то престарелая ведьма. – «Костюм-крыло» будет мешать во время боя, и это во-первых. Во-вторых, для начала горизонтального полёта с вингсютом надо набрать скорость семьдесят-девяносто километров в час. При свободном падении на это уйдёт несколько секунд. Как раз достаточно, чтобы с невысокого здания корпорации «Пангирро» приблизиться к земле, а то и приложиться об неё. Ну и в-третьих: в завершающей стадии прыжка нужен парашют. Иначе такой прыгун попросту разобьётся.

Изрекла и с видом крайнего превосходства улыбнулась.

Наши коллеги женского пола и прочие сотрудницы тоже эту «куклу» Санд невзлюбили, мягко говоря. А точнее – возненавидели с первого дня. Старались её вообще игнорировать и не обращать внимания. Но если уж приходилось заговаривать, то делали это с глубокой язвительностью и нескрываемой толикой презрения. И почему так происходило, сложно было понять, ведь с ними Юлия общалась в охотку и чуть ли не заискивала перед каждой в отдельности. Может, завидовали невероятной красоте дизайнера и её сек-

сапильности?

Вот и сейчас наша сорокаторрёхлетняя Бьюрни великолепно разыграла сценку, в которой вначале удивилась услышанному тексту, потом с недоумением стала искать источник звука, затем как бы не сразу узнала новенькую в коллективе. И только напоследок, после паузы с нахмуренными бровями и сморщенным лбом, её лицо разгладилось в озарении. Но первую фразу она явно произнесла про себя: «Ах, это ты тут вякаешь, овца стриженная?!» Начала со второй:

– Видите ли, милая... – ещё и сделала вид, что не может вспомнить имя любовницы главного нашего шефа. – Э-э... я всегда говорю только правду. Просто надо всегда выслушивать меня до конца. А я недоговорила... – вновь повернулась к нам с Бриксом, – ...на записи отчётливо видно, что Вампир сиганул с края крыши, успев разогнаться до нужных ему ста километров в час. А?! Каково?! Вы только представьте его скорость передвижения, и сразу станет ясно, почему он неуловим.

Толстый Фрэд Куппо, наш лучший счетовод, бухгалтер, знаток всех цифр-значений и шахматный гений, умеющий считать в уме без всякого калькулятора, чуть ли не сразу поднял палец вверх, оглашая результаты:

– Ну да, при такой скорости, да учитывая высоту здания «Пангирро» свыше шестидесяти метров, прыгун мог пролететь расстояние в сторону более ста пятидесяти метров. Учитывая легендарную, уникальную личность прыгуна, не удив-

люсь, если он и все триста преодолел.

– Можешь удивляться смело, – продолжила довольная Мэтт, – ибо точку приземления отыскиали в трёхстах двадцати метрах от здания.

– И он не разбился? – Юлия кривила своё прекрасное личико в сомнении.

– Нет, милая, – тоном, которым обращаются к душевнобольным, ответила технический редактор. – Трупа на месте падения не нашли. Как и парашюта. Пуховых перин там тоже не отыскиали, хоть и очень старались. Зато нашли в мусорном баке сам вингсют и обувь, которую использовал Вампир. Так что теперь у полиции появились неплохие шансы отыскать виновного в смертельных укусах.

Брикс тоже не отставал в общих познаниях о нынешнем экстриме:

– Ну да, я слышал, что каждый подобный костюм номерной и создаётся индивидуально под каждого человека. И по этому следу...

– Не обязательно, – перебил его наш толстяк-всезнайка Фрэд. – Гораздо больше полиция определит по обуви. Сейчас научились синтезировать и консервировать любые запахи с образца. Уже не говорю о таком огромном и важном следе человека, как пот. Если его зафиксируют и если Вампир не является сюда из иного мира, то обязательно разыщут даже в условиях всей страны.

– Выдумал всё небось только что? – вставил свои пять

центов в разговор Лентяй. Так прямо в глаза все называли моего коллегу-художника Саву Митчелла. Вторым прозвищем у него было Провокатор. Очень уж любил наш Митчелл Лентяй-Провокатор что-нибудь брякнуть этакое, от чего все спорщики могли перессориться между собой.

Вот и сейчас Фрэд Куппо завёлся с полоборота, начав сыпать ссылками, именами и названиями нужных статей. Он всегда болезненно относился к фактам недоверия к его знаниям.

Тогда как я мысленно себя озадачил:

«Напрасно я так с обувью поступил, теперь и в самом деле могут на «хвост» присесть. Конечно, следовало от неё избавиться из-за «трония-413», но зря оставил такую улику в лапах полиции. Надо было обувку куда-то в бензин макнуть да поджечь...»

Но это сейчас хорошо думается о бензине и легко сообразить, где его отыскать. А когда не знаешь, в какой именно точке приземлишься, да с погоней в тылах, все нюансы не просчитаешь, ведёрки с напалмом, где надо, не расставишь. А нужной подсказки по моим информканалам так и не поступило.

В то же время я вспомнил, точнее – очень надеялся, что запах мой после метаморфозы в иного человека меняется. Судил я по тому факту, что в данном моём состоянии знакомые собаки с кошками ко мне относились всегда ровно, спокойно, а то и дружественно. Зато при боевой трансформации

моего тела что собаки, что коты всячески спешили обратиться с моей дороги. А уж если не успевали это сделать, попросту замирали лёжа, да ещё и с закрытыми глазами.

Странно? Ещё как! И это ли не подтверждение тому, что наши ближайшие друзья человека обладают разумом? Пусть и на непонятном нам пока уровне.

Опять же, странное поведение собак и котов, которые пытаются вырваться от хозяев, а потом замирают, словно умерли, меня уже два раза чуть не привело к крупным неприятностям. Теперь приходится учитывать этот фактор постоянно, когда я нахожусь в облике Вампира. Стоит о нём вывести полицию или простым обывателям, как меня быстро вычислят. Один раз-то я сбегу, а вот на второй могут и нафаршировать свинцом. Или ещё какую пакость подстроят.

Теперь вот ещё надо будет проверить утверждения нашего толстяка. Запах – запахом, а вот капли пота и микрочастички тела в самом деле могут в будущем обернуться мне во вред.

Тогда как Фрэд закончил вываливать свои доказательства и напомнил очевидное:

– До «покаяния» осталось несколько минут, включаем визор! – Это он так неверно называл наш большой, настенный телевизор.

Вообще-то в рабочее время просмотр телепрограмм не приветствовался шефом нашего отдела. От более вышестоящего начальства тоже могло влететь, коль оно заметит нецелевое использование громадного экрана, занимающего пол-

стены. Но мы никогда не злоупотребляли своими вольностями, тем более речь идёт о крайне исключительном случае. Вон ведь, в коридорах ни души не осталось, все сейчас плятятся в экраны, ожидая сенсационных заявлений от укушенного Грэйхемцена.

Только остальным легче, с ними рядом нет сейчас вредящего соглядатая. Потому что мы все без исключения были уверены: Юлия докладывает своему любовнику обо всём, что творится в отделе. Иное поведение с её характером невозможно.

Поэтому Мэтт Бьюрни выразила сомнение вслух:

– Как бы нам не влетело...

– Как бы кто-то не улетел в окно без вингсьюта! – довольно жёстко пригрозил Сава Митчелл. – Если о нарушении узнает начальство, виновник стукачества известен заранее.

И безбоязненно посмотрел прямо в огромные глаза Юлии Санд. Он и в самом деле ничего не боялся. При своей лениности да неуёмном ёрничестве он считался у нас гением от плакатной рекламы, рисовал лучше меня и считался незаменимым работником нашего холдинга. Ещё у него имелась иная беда: однолюб. А жена его бросила лет шесть назад. Вот с тех пор Сава и ненавидит всех женщин. Единственное исключение в данном списке имеют просто подруги, собутыльницы и коллеги по работе.

Уж не знаю, как он обходится со своими желаниями плоти? Скорей всего утром и на ночь занимается рукоблудием.

Может, и в обед успевает?.. Потому как на вид мужик-то совершенно здоровый, либидо крепкое и с органами всё в порядке. Есть у меня такие данные, поступившие от его бывшей. Да и сам я его насквозь видел.

Угрозу в свой адрес Юлия проигнорировала, сделав вид, что не поняла, о ком речь. Зато весьма живо потребовала:

– В самом деле, включайте... визор! Давно пора!

Включили. Посмотрели. Оценили все последовавшие затем комментарии. Да и сами затеяли очередную дискуссию.

В самом деле, стоило увидеть весь этот сыр-бор. Тем более что информация о недругах, вброшенная Ромой в водоворот нарастающей бури, оказалась сенсационной. Если всё сказанное – правда и ничего нигде не напутано, мне придётся опять «выть на луну». Так я называю то своё состояние, когда приходится волей-неволей выполнять складывающееся задание по устранению «попутных пассажиров», идущих порой прицепом к приговорённой жертве. И все подобные задания, как правило, муторные, неприятные, кровавые. Что самое обидное: они меня сильно отвлекают от поклонения женскому полу.

А ведь сегодня, например, мне предстоит вторая ночь с Моникой Чамзини. Мне её почти удалось склонить к желаемому действию, потому что отказом она не ответила. Так как сегодняшним утром она с милым смущением прошептала просьбу:

– Не торопи меня, я должна всё обдумать... до вечера.

В девяноста девяти случаях из ста подобная просьба означала согласие. Надо будет только при встрече с красоткой сразу определиться, куда идти: в одну из компаний или пригласить кого-нибудь третьим к себе. Благо есть куда и кого.

Мысленно представив себе предстоящее блаженство, я чуть ли не застонал в предвкушении. Ещё и глаза прикрыл. Потому и был вырван из сладких грёз восклицанием Мэтт:

– Валентин! Дорогуша! Ты что, заснул?

– А?.. Что? – попытался я припомнить смысл последних предложений в споре. – Нет, просто задумался...

– Наверное, как всегда, думает о проститутках и о том, хватит ли ему денег на очередную подстилку, – скривился в презрении наш штатный Провокатор. Ну я и не стал его разочаровывать:

– Угадал, Сава. Можешь переводиться на работу оракула. Мне в самом деле предстоит свидание сегодня с такой цыпочкой, с такой лапочкой, с такой распрекрасной нимфой...

– Ну как всегда, – облизнулся завистливо Брикс Мелон. – Наш Годвори в своём репертуаре!

Тогда как престарелая Мэтт Бьюрни поджала недовольно губы:

– Доведут тебя девки до могилы, Валентин, на ваших оргиях! Вот попомнишь мои слова! Да и на работе мог бы к коллегам уважительнее относиться. Ведь серьёзный разговор ведётся, нас всех касающийся, а ты слюни распустил, мысленно уже развратом занимаешься.

– Ладно, виноват. Простите, уже исправился! – так проще, чем переть против коллектива. – Что за тема? И почему именно всех касается?

– Да вот тему подняли: «Алиби – каждому!» Прикинули на себя, оно у нас есть. А у тебя? Где ты вчера находился в 11.20? Ведь на работу ты появился только к часу дня...

После этих слов нашего технического редактора все остальные уставились на меня взглядами прирождённых Пинкертонов. А я посматривал на них со снисходительной, саркастической улыбкой и задавал себе сакраментальный вопрос: «Если бы я сейчас находился в полицейском участке, какое алиби огласил бы?»

Глава 7

Рассуждения о себе

А может, я никакой не метаморф? Может, я робот? Точнее, киборг, сделанный в виде человека и использующий общедоступную пищу для энергии движения?

Такие мысли возникали часто, как только у меня на сетчатке глаза начинали появляться циферки, буквы, рисунки и прочая графическая дребедень. Нет, по сути, она мне не мешала, стоило закрыть глаза, как всё исчезало. Да и сосредоточившись до определённой степени, можно было продолжать беседу, вести спор, смотреть телевизор или продолжать тренировку. Но... всё-таки мешало. В любом случае неконтролируемое поступление информации раздражало и не давало покоя до тех пор, пока я не вчитывался в неё и не принимал решение. А потом уже отправлялся на «укус». Или на прочие отщущения тем, кто ослушался моего предупреждения.

Иначе говоря, некие неведомые силы таким диким, нечеловеческим образом давали мне очередное задание. Но как? Почему? И почему именно я?

В этом была главная для меня загадка. И ответов в подаваемой информации я не находил. Но думал и анализировал много. Ибо количество противоречий зашкаливало.

Непосредственные сведения, передаваемые мне, не несли в себе божественного откровения. Скрытые за семью печатями тайны мне не открывались. Преступления, после которых не осталось свидетелей, мне не становились понятными. Совершённые маньяками убийства, пугающие своей кровавой сутью, являлись такой же загадкой, как и для напряжённо работающих следователей. Так что помочь полиции в решении чисто уголовных проблем я не мог при всём своём желании.

То, что подавалось мне в виде мысленных картинок, скорей классифицировалось как работа некоего (или нескольких?) аналитика. Он как бы собирал сведения с существующих вполне официально источников. Проще говоря, то, что появлялось в прессе, на радио и телевидении, в сетях Интернета и тому подобное. Порой приводились данные банальных объявлений. Слово там, предложение оттуда; сценка из теленовостей годичной давности или злобный комментарий обывателя у себя на сайте; схема продаж с биржи ценных бумаг – и вот уже огромный массив обвинения сконцентрировался на одной персоне.

Помню, что первый раз, начав вчитываться в плывущие строчки и цифры, я никак не мог понять, что от меня требуется. Ну удостоверился я, что такой-то капиталист, политик или главарь мафии – истинное зло в квадрате. А что дальше? Таких, как я, знающих и всеведущих – хватает. Ведь любой нормальный индивидуум, умеющий читать и мыслить, пре-

красно сообщает, откуда вся окружающая нас мерзость берётся. Но при этом понимает, что ничего он против вселенского зла сделать не может, а потому смиряется и ничтоже сумняшеся пытается укрепиться на своём месте под солнцем. Или в тени, но на самом солнечном побережье, если преступника не грызёт совесть.

Меня совесть грызла с самого детства. Не могу сказать, что я рос пай-мальчиком, хоть меня и заставляли чуть ли не насильно ходить на музыку, посещать спортивные секции и заниматься в художественной студии. Как и большинство моих сверстников, хулиганил, бунтовал, горел от пружей из меня энергии. За что получал частенько по полной программе наказаний. Но в то же время родители сумели воспитать во мне главные постулаты справедливости: не воруй, не лги, не завидуй, не притесняй, не рвись к власти над другими ради власти или для обогащения, уважай чужое мнение и цени человеческий разум.

И вот уже тогда я интересовался не раз у отца: почему же вокруг столько несправедливости? Почему действительность так жестока? И почему мы не боремся с этой жестокостью?

На что получал один и тот же ответ: каждый человек сам по себе бессилён перед злом. Но чтобы сообща одержать победу, надо объединиться. А чтобы объединиться – надо стать одинаковыми. Только вот одинаково быть хорошими люди не могут по умолчанию, потому что в каждом из нас таит-

ся сугубо индивидуальная частичка вселенского зла. Именно эта частичка не даёт шагнуть на новую ступень своего развития, оставляя каждого индивидуума нашей цивилизации в виртуальном одиночестве. А одиночке – не объединиться с остальными.

Замкнутый круг, суть которого я понял не сразу.

Чтобы разорвать этот круг, каждому из нас следует раскрыться, показать себя во всей внутренней красоте. Но в первую очередь показать всем свою индивидуальную частичку зла. То есть что во мне плохого? Зависть? Так вот она, знайте о ней! Стыдите меня, поругивайте!

Клептомания? Всё, отныне о ней не скрываю, хожу с табличкой «Ворую!». Будьте бдительны, следите за своими карманами, проверяйте сдачу от меня, перепроверяйте свои счета. Да и профилактически, раз в неделю отправляйте меня ночевать в тюремную камеру, чтобы я перевоспитывался, искоренял в себе жажду несправедливой наживы.

Тянет убивать? И это нельзя скрывать! Примерно такую же табличку на спину и на грудь (и на лбу наклеить!), что я – «Потенциальный убийца. Будьте осторожны!». И загрузить такой работой, чтобы и мыслей в голове не оставалось кому-то кровь пустить. Ещё лучше запроторить в такую глушь, где и убивать некого из разумных. А вот самому придётся рвать когти, чтобы выжить среди дикой природы.

Ну и так далее, примеров можно приводить множество, в которых каждый стал бы открыто бороться со своими поро-

ками.

Увы! Подобное средство перевоспитания всей цивилизации – чистой воды утопия! Люди с детства приучаются врать, притворяться, скрывать свою зависть и злобу, лелея их внутри и вскармливая до величины кошмарных чудовищ. После чего ради бессмысленной наживы или глупого тщеславия продолжаются грабежи, ведутся войны, уничтожаются целые народы.

Вот и получалось, что справедливости мне очень хотелось, но приземлённые реалии заставляли оставаться таким, как все. И таким я оставался практически до последнего курса художественной академии. Именно в тот трагический год вначале погибли в автокатастрофе мои родители, а за ними, так и не пережив этой потери, ушли в иной мир бабушка с дедушкой со стороны мамы. Мой папа своих родителей не знал, вырос и воспитывался в семейном детском доме. Надолго там не прижился, ушёл в большой мир, как только возраст позволил.

Особым достатком наша семья никогда не выделялась, потому что никогда к этому и не стремилась. Но оставшись один, я смог вести довольно безбедное существование, только немного, так сказать для спортивного интереса, подрабатывая. Потому что небольшой домик стариков я сдавал, как и квартиру, оставшуюся от родителей. А всего лишь пятой части от получаемых с аренды средств мне хватало на удобные апартаменты: гостиная с кухней в американском стиле и

с одной просторной спальней. Зато все оставшиеся денежки я мог со спокойной совестью тратить на своё хобби, страсть и увлечение. Иначе говоря – на женщин.

Честно говоря, меня не раз и очень многие пытались убедить, что моя развратная жизнь грешна, несправедлива и даже преступна. Дескать, мои многочисленные связи и участие в групповых забавах – это повод для общественного порицания, отторжения от общества, а то и повод для тюремного наказания.

Но ничего у них не получилось, потому что в наших спорах, которые я ещё в молодости вёл в охотку, победа всегда оставалась за мной. И начинал я наши диспуты с вопроса: «А у тебя как обвинителя всё ли чисто с совестью? Нет ли у тебя каких грехов? А если есть, то как ты с ними собираешься бороться?»

Грехи имелись у всех, следовало только хорошенько в них покопаться и выбрать самые яркие. Копался, выбирал, выпячивал и вопрошал: «Что хуже? Моя приверженность к женщинам или твоя страсть к золотому тельцу? Или твоя зависть? Или твоё ханжество, основанное на неумении сделать даме комплимент? Или твой постыдный страх всё перед теми же красотками? И чем моя слабость к слабому полу – хуже твоей злобы, кощунственных устремлений или жажды наживы любой ценой?» Короче, я побеждал, но у меня при этом становилось на одного врага и ненавистника больше.

Со временем я перестал вступать в подобные дискуссии,

осознав, что своего оппонента я в течение спора не перевоспитаю. А возиться с ним дольше – упаси господь от такого метания бисера перед хрюшками. Ну разве что отваживал от себя особо приставучих морализаторов ссылкой из Библии, в которой нам было заветовано любить и размножаться. Так что за последние пятнадцать лет количество врагов у меня не прибавилось, да и прежние незаметно рассосались по эгрегору нашего города и всей планеты.

Но к чему я это всё вёл?.. Ага!..

Первые буковки с картинками у меня перед глазами появились пять с половиной лет назад. Или чуточку больше, не столь важно. В одной из ссылок было упомянуто имя моего виртуального экрана: логфэй. Так я его чаще всего и называю с той поры.

Аналитическая информация мне стала подаваться сразу двумя потоками. Первый: о махинациях и преступлениях некоего магната, обозначенного как «У-1», одного из двуногих представителей вида «гнида кровожадная, особо противная, максимально замаранная в преступлениях». Второй поток знаний подсказывал: как превращаться в иную особь, обладающую небывалой скоростью, ночным зрением, владеющую уникальными методами самообороны и получающую при этом уникальное оружие. Сразу отмечалось, что выбранное оружие и прочие вспомогательные средства не превышают пятнадцати килограммов.

Естественно, что как романтически настроенный человек,

я немедленно бросил все свои силы на обучение и тренировки способности метаморфа. Ушло на это год и два месяца, после которых я уже мог сносно пользоваться новым телом и прилагаемыми к нему девайсами.

Но пока учился, хоть и старался игнорировать первый поток информации, всё-таки постепенно впитал нужную инфу, проникся, так сказать, и осознал крайний вред того самого вурдалака для истории нашей цивилизации. Ну и на третий месяц поток про человека, обозначенного как «Y-1», стал единственным и втрое более насыщенным.

Вот как раз на пике собранной информации передо мной появился не исчезающий, постоянно мерцающий вопрос крупными буквами: «Каков будет приговор этому человеку?» А в самом низу моего виртуального экрана виднелось два варианта ответов после квадратиков для заполнения: «Уничтожить» и «Помиловать».

Само собой разумеется, что недогнувшим в сомнениях разумом поставил птичку в квадратике возле первого слова. Ибо заочное знакомство с упомянутым существом ничего, кроме омерзения и ненависти, к себе не вызывало.

Но только я принял решение, как выполнение приговора тут же взвалили на меня:

«Приступить к подготовке операции по уничтожению объекта «Y-1»!

С чего, спрашивается, и почему? Ведь я-то был уверен, что сейчас с неба грянет молния, испепеляющая преступ-

ника. Ну, в крайнем случае, он тихо загнётся от несварения желудка или от банального переедания. Не тут-то было! Появившиеся надписи сразу чётко обозначили меня в роли главного и единственного исполнителя.

И это я ещё тогда представить себе не мог, что уничтожить ту самую гниду придётся не выстрелом из дальнобойной снайперской винтовки, а собственноручно... точнее, собственноручно укусив его в шею. Его! Этого мерзкого и заведомо противного, потного и грязного магната!

Фу, какая гадость!

До сих пор тянет на рвоту, как вспоминаю главное действие, предваряющее и обрекающее на казнь. А вначале меня рвало только от одной мысли, что мне предлагают укусить нечто подобное. Знать бы ещё, кто предлагает?..

Так что вполне понятны причины, по которым я решил проигнорировать поступившее ко мне... предложение, скажем так. Потому что сразу обозначил читаемые строчки именно так: предложение к сотрудничеству. Ни в коем случае не приказ! Потому что я не в армии служу и не в полиции работаю. Фиг заставишь меня стоять перед кем-нибудь по стойке смирно.

Но! Проигнорировать-то я попытался, но не более чем. Так как дальше пошла информация крупными буквами и мерцающими кадрами о том зле, которое продолжает свершаться по вине объекта «У-1». Гибли люди, проваливались в пропасть нищеты сотни семей, оставались сиротами дети,

творилась жестокая несправедливость. И всё это вливалось потоком в моё сознание, стоило мне лишь приоткрыть глаза.

И что делать? Лечиться? Так я сразу и чётко понял, что от этого дара небес не излечиваются. Ну разве что меня разберут на запчасти в какой-нибудь клинике и окончательно докажут, что я киборг, которого подбросили моим родителям (выкрал истинного ребёнка) ещё в колыбели. Надо ли мне такое? Ни за что!

Когда я начал сходить с ума от мельтешащих передо мной несколько месяцев картинок, сдался. Потому что уже ни работать не мог, ни своими пассиями увлекаться. Всё мне стало немило. Взял да и поставил птичку возле самой нижней, постоянно мерцающей строчки: «Приступаю к исполнению приговора».

Противно вспоминать, как оно всё прошло в первый раз. До сих пор всего выворачивает наизнанку. Но как-то справился, пересилил себя, укусил... И два месяца меня неведомые силы не беспокоили. Затем всё началось снова, посыпалась информация по неприглядным делишкам и преступлениям объекта «У-2».

Тогда я решил схитрить, выбрал опцию «Помиловать».

А что, разве не имел на такое право? Ещё как имел! Я ведь сам становиться невесть кем не собирался, на роль судьи не рвался и уж тем более работать палачом никогда не мечтал. Даже по здравом размышлении решил отказаться от данных мне умений метаморфа. Мол – не моё это! «Дико извиняюсь,

но подыщите себе для такой работы кого-нибудь другого!»

Вся беда заключалась в том, что меня выслушивать никто не собирался. Со мной никто не беседовал. Душещипательные тары-бары-растабары не вёл. Да мне вообще никто на глаза не показался!

Зато про объект «У-2» мне стали показывать ни много ни мало настоящие фантастические фильмы. Не в том смысле, что яркие, цветные и высшего качества. Скорей, графические и чёрно-белые, иногда – в виде простой, рисованной мультипликации. Но в каждом этом фильме делали попытку заглянуть в будущее. А может, и в самом деле заглядывали?

Вот во время этого подглядывания и рисовали мне, что будет с миром, если помилованная мною особь продолжит жить. И так правдиво показывали, что верилось в каждый кадр. Да и логика шептала постоянно: «Если эта гнида не издохнет показательно в жёстких муках, то страшные кадры претворятся в жизнь! И по следам этого ублюдка пойдут подобные ему гнилые ублюдки». Потому что «У-2» оказался на диво изобретательной сволочью, можно сказать – новатор в деле несправедливого высасывания средств и крови из себе подобных.

Так или иначе, шантажом ли, уговорами ли, но меня на вкус и второй жертвы подрядили. А дальше оно как-то легче пошло.

К тому же мою деятельность сильно скрасила работа и познания с объектами, коих стали обозначать латинской бук-

вой «W». Они своими деяниями резко отличались в положительную сторону. Правильнее их было бы назвать наиболее прогрессивными, самыми честными и крайне справедливыми во всех отношениях. Их место в истории трудно было бы переоценить. Про них тоже давали весьма правдивую и достаточно полную информацию. Хотя... если уж говорить честно, у каждого имелся небольшой, но всё равно изрядно компрометирующий грешок. Не знаю, по какой причине, но я о грешке тоже узнавал.

И только затем мне задавался иной вопрос: «Достойна ли сия личность защиты?» Если я отвечал: «Да», то на меня вываливали списки уголовных элементов, от коих опекаемому «W» грозила смерть. А также перечень средств давался и способов, коими следовало это самые элементы прижать, запугать, прищучить, наказать, покалечить, а то и воспользоваться высшей мерой наказания. Кстати, здесь уже кусать было нельзя, да и во всём остальном тщательно скрывать связь или сходство с делами, творимыми Вампиром. То есть Вампир как бы сам по себе, а вот опека людей категории «W» проводится совсем иными силами. Или опекаемому просто сильно «везёт». Или сильно «не везёт» его недоброжелателям. Тут уже всё зависело только от моей фантазии.

Вот я и старался, устраивая несчастные случаи, неожиданные заболевания со смертельным исходом или имитации банальных ограблений. Получалось превосходно, если судить по результатам. И пример тому случай с объектом «W-2».

Потому что им оказался Стив Врокс Чакли, мэр нашего города, который к тому времени как раз заканчивал строительство нашего МеРЦИ (Молодёжный Развлекательный Центр Искусств). Удивительный человек, не берущий взятки, не требующий откатов и радеющий за город как за собственные органы. Он перестроил полицейские силы, поднял на борьбу с наркотиками всю общественность, навёл на улицах идеальный порядок, вдохнул новую жизнь в театры, парки, кинотеатры и музеи.

Но хуже всего, по мнению его врагов, что Стив Чакли не давал воровать другим. Поменяв законы, он стал не просто с позором снимать воров и взяточников с должностей, а банально сажать их в тюрьмы, без права смягчения приговоров. Это сразу сделало его белой вороной в стае чёрного, оголтелого жулья. Как следствие это самое жульё попыталось учудить всё возможное для физического (да и не только физического) устранения самого популярного человека нашего города.

У меня на сетчатке пошли данные не только о преступниках, замышляющих недоброе. Но и про господина Чакли информация пришла – полнее не бывает. В том числе и про его грешки так называемые. Наш мэр оказался расистом, он ненавидел негров. Но, понимая, насколько это неправильно для нормального человека, всячески скрывал свою ненависть.

Только вот делами скрыть у него получалось плохо. Все

должности, которые оказывались в досягаемости его власти, были отобраны у чернокожих граждан. Все начинания бизнес-плана, которые пытались претворить в жизнь афроамериканцы, оказались задавлены на корню. Закрылись почти все моленные дома чернокожих пасторов, разгонялись за малейшие провинности клубы для африканцев, ставились палки в колёса разным собраниям, демонстрациям и даже банальным празднествам. Преступников с чёрной кожей преследовали втрое жестче, чем остальных, а в крайних случаях стреляли на поражение сразу, убивая на месте. Ну и самое главное: разрешение на ношение оружия неграм практически не выдавали.

В итоге Стив Врокс Чакли попал в списки сторонников апартеида, оголтелых расистов и куклуксклановцев. Хотя к упомянутым организациям не имел малейшего отношения. Но наши темнокожие братья, рвущиеся к власти и ведущие свой бизнес, чувствовали себя в городе и его пригородах крайне неудобно.

Огромный грех. Антигуманный. Античеловеческий.

Тем более что я сам к неграм относился прекрасно, у меня среди них было достаточно друзей, и я не делал никаких различий между людьми с разным цветом кожи. А с женщинами-шоколадками мне даже нравилось регулярно разнообразить секс не только лично, но и в наших групповых развлечениях. Нормальные люди всё-таки, ничем не хуже нас, европейцев, азиатов или индусов.

Так что я реально и крепко задумался, выбирая опцию «Помочь в спасении» или «Проигнорировать опасность». Старался рассматривать оба варианта, сообразуя их не только с логикой, анализом и с массой данных. Включал сердце, чувство справедливости и полученное воспитание. Выслушивал разные мнения, читал статьи и комментарии. Взвешивал все «за» и «против».

Потом всё-таки пришёл к выводу: мэр никого из простых негров никогда не трогал и не ущемлял, если они не собирались в банду. Не важно, какую банду: религиозную, торговую, политическую или криминальную. А таких оказалось подавляющее большинство в общности людей с кожей чёрного цвета. Вот именно их-то никто ничем не притеснял по указкам нашего мэра.

И когда я это понял, мотивы помочь перевесили доводы, толкающие «Проигнорировать опасность». Тем более я и об этом говорю постоянно на каждом углу по поводу и без повода: наш МеРЦИ мне очень нравится. И моим друзьям. И всем горожанам. И нам завидует вся страна и полмира. Так что какие могут быть сомнения?

Стиву я помог тогда. И помогаю до сих пор. В том числе и средствами. Но это уже совсем иная тема, для иного раза.

Глава 8

В погоне за прекрасным

Наши посиделки на работе продолжились без перерыва на обед. Хотя моё алиби все приняли с явным недоверием. Но я настаивал, что ушёл от девушки только в полдень и что этот момент видело несколько соседей. Но отстали от меня с неохотой, желание спорить у них не иссякло.

Затем наконец-то заскочил наш шеф, кому-то дал мелкие поручения и умчался. Со мной только поздоровался. Сие означало, что мне здесь больше делать нечего и на сегодня я свободен как вольный ветер.

А так как времени у меня до встречи с Моникой оказался целый вагон, то я подался в центральную студию нашего холдинга к знакомым звукооператорам. Следовало у них набрать разных плагинов и синтезаторов. Самому всё это выискивать в Интернете, крякать и выстраивать в нужной цепочке – откровенно лень. А тут пришёл, взял всё готовое, да ещё и в самых лучших вариантах, самое отборное, лицензионное. Потом сиди себе и спокойно работай с музыкой собственного сочинения.

Мало того, сразу два звукорежиссера из пяти являлись моими отменными приятелями и входили на правах партнёров в наше общество фривольных развлечений. Так что нам

всегда хватало тем для обсуждения по поводу планируемых вечеринок. А с кем ещё можно оговорить количество девочек, их качество, их особенности, темперамент, ладно скроенные фигурки, кураж, горячую страсть, готовность к новинкам... и прочее, прочее, прочее, как не с фанатами такого времяпрепровождения?

Другой вопрос, что мои приятели обычно были загружены работой не в пример мне. Не по самые уши, а с головой как минимум. Вот и сегодня на разговор со мной отвлекся лишь Николая Мэтрюс. Ему ещё и тридцати годиков не исполнилось, блондин с чёрными глазами (редчайшее, но зато убойное сочетание!), умеющий и любящий знакомиться с красотками и тоже отыскивающий настоящие алмазы среди прекрасной половины человечества. По сути, он и жену свою отыскал таким романтическим образом, и вот уже года три как семейный человек. Но ни он, ни его супруга до сих пор не упускают малейшей возможности побывать в хорошей компании.

Как оказалось, они вдвоём вчера тоже были в МеРЦИ и заметили, как я возле дорожек кегельбана убалтывал новую знакомую.

– А она симпатюля! – с ходу заявил не только о своём интересе Николая. – И моей Лианке тоже весьма понравилась. Как тебе только удаётся на старости лет снимать таких прелестниц?

– Прайд опытного льва как раз отличается наибольшим

количеством львиц! – с заслуженным пафосом ответил я. – А молодняку только и остаётся, что завидовать и учиться.

Наши пикировки о разнице в возрасте были постоянными, но нисколько не напрягали. Скорей настраивали на позитив и вечерние посиделки. Точнее, полежалки-кувыркалки. Ко всему прочему Николая успел со своей супругой Лианой построить за первый год совместной жизни восхитительный дом. Большой, просторный, ещё не занятый детьми и родственниками-приживалами, он великолепно подходил для компании любого количества. Так что мы собирались у Мэтрюсов как минимум раз в неделю, и обстановка там всегда получалась праздничная.

Единственное ограничение, существующее для гостей, заключалось в одном правиле: они должны были внешне понравиться хозяевам. Совсем посторонних, да ещё и с неадекватными фигурами, к Мэтрюсам приводить запрещалось. Так что, зная все мои склонности и умения уговаривать быстро, Николай сразу деловито поинтересовался:

– Придёшь с ней на ночь к нам?

– Вроде всё к этому идёт! – Приятные воспоминания заставили меня непроизвольно улыбнуться. – Так что нагрянем к вам после звонка.

– А кто она такая и как её зовут?

– Моника Чамзини. Род деятельности не выяснил, не до того было. А с чего такой интерес к данным?

– Чёткое ощущение, что я её уже раньше где-то видел, –

признался приятель. – Но никак не могу вспомнить конкретно...

– Да в МеРЦИ ты её и видел. Она туда уже не первый раз зашла.

– Вполне может быть... А что она для первого раза предпочтёт? Партнёра или партнёршу? Или сразу на всё её потянет?

– Обещала всё обдумать в течение дня и вечером меня проинформирует. Так что во время звонка сразу обо всём и договоримся.

– Хорошо. Только учитывай, если она захочет женщину – Лиана первой в очереди.

Супруга Николая просто обожала оказаться «первой» у иных женщин, любила «раскрывать» новую партнёршу. При этом мастерски умела расслабить женщину до нужной кондиции, лишит всякого стеснения и в финале лично довести до продолжительного оргазма.

Другой вопрос, что я сам всегда обожал новое тело. И если кто иной участвовал в нашей близости, то желательно и сам должен был входить в когорту новичков. Или, по крайней мере, оставаться в категории «не надоевшие». Тогда как Лиана, при всём к ней тёплом отношении, мне уже давненько приелась. Особенно в роли «первой». Так что я поспешил сразу оставить место в возможном трио незабронированным:

– Моника больше предпочтения отдавала мужчине. При-

чём сразу требовала, что, попав в большую компанию, она сама будет выбирать партнёра.

Соврал. Ничего такого Чамзини не выдвигала в условиях. Только и пообещала с милой улыбкой подумать. Но Николая тяжело вздохнул и с огорчением пригладил свои русые патлы:

– Жаль, есть в ней что-то этакое... – он тоже любил бывать первым в «раскрытии». – Тогда постараюсь напроситься на вторую ступеньку.

На второй встрече выбор всё равно оставался за новенькой, но Николай верил в свою неотразимость. Посмотрим, как оно получится на самом деле.

В нашей компании, да и в иных, подобных нам группах, давно сложился свой особый языковой сленг, позволяющий обсудить или понять любые тонкости наших взаимоотношений. Ещё больше имелось условных сигналов методом касания, которыми мы во время самого коитуса давали партнёрам знать о том, как лучше или что предпочтительнее делать дальше. Как и партнёрши нам подсказывали, когда прерваться, когда ускориться или когда и как сменить позу. Тем более что слова порой неуместны или невозможны, а пальцы-то чаще всего свободны.

А я вспомнил о другом:

– Что-то давно не видно на вечерах твоей старой подружки Софийки. Или ты с ней поссорился?

– Я-то с ней не ссорился, – погрустнел приятель. – Это всё

Лиана ее в конце концов выжила. Как начала с первого дня ревновать, так и не смогла успокоиться...

– М-да, жаль... Девочка незабываемая. Может, дашь мне её телефон? Позвоню в случае чего...

Мэтрюс в сомнении покрутил носом, но телефон Софийки мне всё-таки сбросил. Видимо, сам чуток ревновал свою первую любовь к компаниям без своего участия. Вот он, главный минус супружеской жизни: не всё получается, как хочется. И это ещё ничего! Мы с ним знаем несколько случаев, когда молодожёны из-за ревности одной из сторон вообще покидали компанию. Обзаводились сразу детьми, меняли место жительства, номера телефонов и надолго бросали наши шумные вечеринки.

Потом, естественно, некоторые из них возвращались, но...

Обговорив напоследок способы связи и условные пароли при новенькой, мы распрощались с Николаем до вечера, и я поспешил сразу на место встречи с Моникой. Чего-то разволновался даже, подумав, что она не придёт. Или ещё что случится неожиданное.

Красотка пришла, а вот предчувствие меня не обмануло. Потому что сразу от девушки поступило предложение:

– Валентин! Давай после ужина поедем к тебе. Сначала... А то я ещё окончательно не решилась.

Ладно, коль так. Тем более я надеялся, что мы всё успеем: и сами наедине побаловаться, и в дом семейства Мэтрюс за-

скочить. К тому же разогретая женщина, как правило, быстрее соглашается на продолжение уже совсем иного по качеству и по насыщенности удовольствия.

Пужинали в одном уютном ресторанчике, недалеко от моей обители, и минут десять прогулялись пешком. Вечерний променад всегда полезен. Общались мы уже как старые и добрые друзья, веселились, рассказывали анекдоты на любую тему и любого жанра. Ну разве что Моника слишком часто заглядывала на экран своего смартфона. Кто-то ей чуть ли не каждые две минуты слал разные сообщения.

– Кто это тебе всё покоя не даёт? – возмутился я, когда наш затяжной поцелуй у меня дома, по пути к кровати, прервался очередным пикиканьем.

– Да сестра всё со своими делами не разберётся и по каждой мелочи моё благословение получить пытается.

Меня подобное не устраивало, поэтому я незаметно сделал маленькую пакость. Включил негромкую музыку, а на сумочку Моника с телефоном, якобы нечаянно, набросил толстое одеяло. Так что добрый час нас никто не отрывал от возжеленного священнодействия. Партнёрше я удовольствие доставил в полной мере, а вот сам не спешил с последним аккордом.

Это не осталось незамеченным:

– Почему сам не кончаешь?

– Хочется растянуть удовольствие. А уж когда мы в компанию попадём, там покажу себя в полной мере.

– И сколько тебе лет? – неожиданно сменила тему разговора Моника. – Потому что тебе явно не тридцать четыре. Для такого возраста ты слишком опытен. Тебе не меньше сорока... а то и больше. Угадала?

Я откровенно обиделся:

– Мне и сорок-то никто не давал никогда! Но уж чтобы больше?!. Шуточки у тебя, однако! И откуда у тебя такой опыт, чтобы судить о моём опыте? – И вновь стал поворачивать русло беседы в нужную сторону: – Ты лучше признавайся, всё ли тебя сегодня устроило? И не хочешь ли ты... вот так?.. Или вот так?..

Она вроде и расслабилась, и задышала учащённо от удовольствия. Но не успел я продолжить ласки, как спохватилась, словно со сна открыв глаза:

– А где мой телефон?

– Понятия не имею, – прошептал я, продолжая свои действия. – Какая у тебя нежная кожа... Мм! А запах...

Только красotka уже совсем не реагировала на мои прикосновения и нежные поцелуи. Выскользнув из объятий, приступила к поиску телефона. Затем с недовольно сдвинутыми бровями минут пять читала накопившиеся сообщения. Причём прочитанное уже сразу стирала. Честно говоря, я мог легко подсмотреть переписку, хоть угол отражения и не был идеальный для этого. Но накатившее раздражение заставляло думать об ином:

«Внутренний голос шепчет, что сегодня золотая рыбка

срывается с крючка. К моим приятелям она явно не поедет. А завтра?.. Завтра у меня самого может пропасть азарт. Хороша ложка к обеду...»

И не стоило забывать данного господину Грэйхемцену обещания: вытащить его завтра утром, незаметно от всех из госпиталя его имени. А потом и помочь вычислить его главного врага. Та ещё морока предстоит. И для надлежащей формы следовало хотя бы часть ночи нормально поспать. При этом желательно Монику от меня спровадить, а то вдруг ей никуда утром спешить не надо?

С этого я и начал:

– Сладенькая моя, мы отправляемся к моим друзьям, или?..

– Я всё ещё не готова сразу вливаться в большую компанию, – отвлеклась девушка от телефона. – Но ты ведь предлагал, что можно начать с минимума?

– Да... Но в каком именно составе?

– Согласна, если сюда к тебе приедет твоя подруга, – неожиданно заявила красавица, опять ныряя ко мне в постель. Но телефон при этом положила на пол, возле изголовья. – Хотя сейчас уже вечер, у всех свои планы. Так ведь?..

Она была права, и я вполне легко раскусил задумку: затянуть время, а потом беззаботно остаться у меня на ночь без каких-либо повышенных для себя обязательств. Но Моника плохо обо мне думала, подруг у меня хватало. Даже таких, которые ради предстоящего трио в моей квартирке сбегут

из уже собравшейся компании. И первой в моём мысленном списке мелькнуло имя Софийки.

Не факт, что она вообще отзовётся, но первый звонок я сделал давней знакомой Николая Мэтрюса. И – о, чудо – Софийка откликнулась на звонок. Три минуты ничего не значащего трёпа, сожалений, что так долго не виделись и общих фраз про общих друзей, пролетели как миг. А потом я сразу перешёл к делу:

– Софи, я тут с возлюбленной девушкой, но нам не хватает напарницы. Можешь ко мне приехать?

Пауза перед ответом длилась не более пяти секунд:

– Говори адрес! – Пока я наговаривал свой адрес, успел заметить гримасу неудовольствия на личике Моники. Кажется, моя новая любовница не ожидала от меня подобной прыти или рассчитывала на нечто другое. Может, дожидалась более продолжительных уговоров? Или вообще решила сбегать? Бывало и такое в моей биографии.

Ну вот, опять пялится в свой телефон, словно там для неё парни голые танцуют!

Ничего, разберусь. Главное, что вечер и предстоящие полночи не пропадут даром.

Глава 9

Работники ножа и топора...

Директор отдела спецопераций, Галиар Шенски, особо ценил двух человек из когорты своих подчинённых. И даже гордился, что учёные такого уровня работают в их лаборатории и выполняют его заказы. Причём постоянные прозвища этой парочки, употреблявшиеся в тайной документации и в быту, никак не соответствовали официальным знаниям, пристрастиям и умениям.

Первого звали Лестин Гук, его научная степень была доктор наук. К этой же учёной степени прилагалось помимо звания академика ещё десяток всяких членств, титулов и мудрёных званий в иных академиях и не только родной страны обитания. Тогда как в простом обращении этот гений охотно откликался на прозвище Лажа. Причём сам академик, обладая весьма извращённой фантазией, даже гордился таким уголовным прозвищем, иногда объясняя это с точки зрения собственной философии:

– Если я творю лажу – то кто, по сравнению со мной, остальные? Таких-то и слов в природе не существует. И собственное величие доказывается не именем, а делами.

В общем, дядька со своими тараканами в голове. Зато без принципов, крови не боялся, почти на любое научное пре-

ступление шёл с азартом малолетнего сицилианца, а забрать у ребёнка конфету считал нормальной воспитательной добродетелью. Единственное, что было для него неприемлемо – это пытаться, орудовать ножом в подворотне или пользоваться огнестрельным оружием. Мол, до такого он, существо высокоинтеллектуальное, не опустится никогда. Тогда как процесс растворения тела человека в щёлочи проходил по категории «нормальный научный опыт».

Внешне Лестин Гук выглядел худощавым, подвижным мужчиной среднего роста, с лысой, как бильярдный шар, головой. Ну и недавно отметил свой пятидесятипятителетний юбилей.

Второго звали Бэрк Ганди, и отзывался он охотно на прозвище Магистр. Вот у этого гиганта, под два метра роста, руки были испачканы в крови уже по самые плечи. Натуральный зверь, которому прикажи вырезать просеку в любой толпе – не остановится, даже натолкнувшись на мать родную. Ну а прозвище своё он выбрал ещё в юности, когда подвизался помощником у факира в цирке. Кстати, любовь к трюкам и разным фокусам Магистр пронёс через всю свою жизнь, полную опасностей, смертей и лихого куража. И до сих пор любил учудить, ошарашить фокусом высшего класса, ставя этим в тупик своих противников.

И в то же время Бэрк Ганди не был лишён некоего благородства в общении, присущего здоровякам веселья и всегда твёрдо держал данное слово. Это помимо того, что являлся

уникальным химиком.

Разное и полярное чаще всего притягивается друг к другу. Наверное, по этой причине оба «сотрудника» отдела в своё время очень близко сошлись между собой, предпочитали работать в паре и, без всяких сомнений, считались закадычными друзьями. Хотя академику уже исполнилось пятьдесят пять, а уголовнику с замашками фокусника и талантливого химика – сорок пять.

Сам Галиар Шенски относился к данному тандему с максимальными мерами предосторожности. Так холят, лелеют и подкармливают хищников типа белого медведя, крокодила или ядовитой кобры. Зевать возле таких подопечных нельзя, ибо враз напичкают кровь ядом, откусят пальцы, а потом ещё и голову голыми руками оторвут. В местах работы парочки, в местах их обитания и отдыха всегда располагались действующие камеры с микрофонами, ведущие круглосуточную запись. Так что Шенски знал, чем дышат его подопечные, и даже, что они думают, мог предугадать. Но всё равно изрядно осторожничал. Точнее: потому и осторожничал, что слишком хорошо знал этих типов.

Полученные от босса указания следовало выполнить немедленно, поэтому поздним вечером второго дня после покушения на Рому Грэйхемцена директор буквально не отходил от Лажи в его лаборатории, требуя только одного:

– Как можно скорей выясни местонахождение сбежавшего покойника!

Академик, метушийся между своими многочисленными приборами и осциллографами, в раздражении отмахивался:
– Не стой над душой, Гал! Быстрее всё равно не будет...
Неужели не видишь, что медицинский контейнер до сих пор в движении?

– Допустим, вижу. Но хоть куда он движется? К какому монастырю? Хоть это определить можно?

– Не так всё просто... Да и к чему такая спешка-то?

– Надо немедленно слить эту информацию тем, кто мечется от бешенства после состоявшегося покаяния Ромы. Они готовы нашему боссу заплатить любые средства за указанную на карте точку.

– Любые, говоришь? – Это вмешался в разговор Магистр, восседающий возле вытяжного шкафа и обильно пыхтящий сигарой. – И нам что-то перепадёт?

– Академику точно достанется пай, а вот ты чего варёжку разеваешь? – обозлился директор. Подчинённый нагло фыркнул, укутываясь дымным облаком:

– Есть и моя доля умственного труда в попытках усовершенствовать «троний-413». Так что заслужил. Хе-хе!

Крыть на такое было нечем. Фокусник и в самом деле благодаря своим связям среди факиров предоставил некие особые химикаты, о которые доктор наук только догадывался. Сопряжение разных векторов и в разных отраслях как раз и дало нужный результат. А уж выцарапать своё Магистр умел из глотки даже своего кормильца.

Поэтому Шенски только жестом показал уголовнику, что и ему достанется. Но в воспитательных целях следовало и пугнуть малость подчинённых. Вот он и заявил с хмурой озлобленностью:

– Босс выразил гигантское неудовольствие тем, что Вампир скрылся в неизвестном направлении. А вы оба знаете, чем чревато такое неудовольство.

Странная парочка в самом деле хорошо знала. Потому что косвенно помогала устранять многие известные личности, перешедшие дорогу боссу. В том числе и родственников своих эта гнида не жалела. К тому же наиболее приближённые к верхнему эшелону власти концерна порой неожиданно исчезали. Да не просто исчезали, а перед своей долгой, мучительной смертью отдавали всё и вся. Один Галиар только удерживался на своём рабочем месте почти пять лет, многих удивляя живучестью, удачливостью и наглостью.

И теперь вот Шенски с удовлетворением наблюдал, как его подчинённые заметно сникли и побледнели. И решил их чуточку «успокоить»:

– Я вас постарался выгородить, но... Постарайтесь некоторое время о себе не напоминать, здоровей будете! – Хотя чего там было выгораживать? Обычная практика многих киллеров, уходящих с места преступления: сменить одежду и обувь. Но поугагать-то надо! После чего вновь насел на Лажу: – Так что с координатами? Уже можно давать хотя бы примерные?

Академик ответил не сразу, всё сверяя, что-то высчитывая и тщательно просматривая. Только потом начал осторожно формулировать свои выводы:

– Если данные со спутников не дают погрешностей... И если нас монументально не разыграли... То контейнер сейчас вот на этой дороге! – Он вывел на большой настенный экран карту Непала. Затем увеличил нужный участок Гималаев и стал водить по нему указкой: – Они сейчас выехали вот на эту дорогу. А она – тупиковая. Ведёт к одному из древних жилищ, расположенному глубоко в недрах, внутри большой пещеры. По той информации, что уже собрана, – монастырь не действующий и шесть лет назад покинут монахами.

– С какой стати?

– Начались частые обвалы внутри пещеры, человек двадцать погибло, и разрушения продолжаются. Трещины растут, со свода регулярно обрушиваются глыбы.

– И это точные данные?

– Не ко мне вопрос, не был я в той пещере, – хихикнул Лаж.

– Я о точности координат и движении по дороге! – вспылil Шенски.

– А-а-а... Ну, в этом да, я уверен на все сто. Контейнер именно там и движется именно в том направлении.

– Давай данные! – приказал директор. И как только запоминающее устройство оказалось у него в руках, бегом вылетел из лаборатории. Ну разве что крикнуть успел:

– Скоро вернусь! Если что изменится, сразу мне сообщить!

Посмотрев ему вслед, а потом и сплюнув, академик апеллировал к приятелю:

– Что-то меня этот жиголо раздражать начал в последнее время.

– И меня, – признался Магистр. – Артист, а не директор. В цирк бы его... Запугивать нас решил тем фактом, что кто-то ботинки потерял...

– Ага, ага... Тьфу на него!

– Но меня поражает иная недалёкость. Ты ведь ему чётко высветил главное, но весьма возможное несоответствие. Я по поводу «монументального розыгрыша».

– Ну и повторно плевать! – хмыкнул академик. – Я сказал, он услышал. А что не принял во внимание возможное отсутствие Грэйхемцена в контейнере – это уже его проблема.

– Да и зачем умирающему человеку обувь? Ещё и распухшему?

– Вроде верно спрашиваешь, – кивнул отстранённо доктор, подкручивая какие-то верньеры на приборах. – Но с другой стороны, куда миллионер без части лучшей одежды двинется? Пусть даже умирающий и распухший? Там ведь помимо медицинского контейнера его телохранители гору одежды волокут. Конечно, если знать о нашем «тройнике-413», можно легко ввести в заблуждение наши системы поиска. Этот Рома мог бы спрятаться где угодно, хоть в Ан-

тарктиде, а его сейчас начнут искать в указанном нами квадрате...

– Искать? Или сразу какой-нибудь на него гостинец сбросят?

– Сам-то как думаешь?

– Легче сбросить, – размышлял Магистр, так осматривая окурок сигары со всех сторон, словно тот стал вдруг ядовитым. – Или ракетами ахнуть. Но там ведь горы, да и пещера глубоко... Поди до неё достань.

– Достанут. Сейчас такие ракеты делают, что на глубину до полукилометра в скальную породу вгрызаются. А уже потом ка-а-ак рванут!.. Одновременно ещё и группу зачистки пошлют после взрыва под видом спасателей. Да не одну...

– Мало таких групп. Почитай и нет почти. Остальные уж точно под обвалами погибнут. Вот знавал я одного типа...

И много повидавший уголовник затеял дискуссию о том, как надо и как не надо себя вести в горах после серьёзного землетрясения. Академик лишь порой соглашался, но чаще скептически хмыкал, утверждая, что всё это байки.

Тем временем цель, ведомая висящими в космосе спутниками, постепенно доползла до цели своего назначения, заброшенного монастыря. А так как безоблачная погода позволяла, наблюдение оказалось идеальным для просмотра каждого сантиметра в тупичке долины. И вскоре никаких сомнений не осталось: внутренности недр обитаемы!

Около двадцати человек встретили колонну и споро на-

чали помогать в разгрузке прибывшего контейнера с телом Грэйхемцена. Наблюдая это, Лажа забеспокоился:

– Хорош дымить как паровоз! Вызывай Шенски и сообщи, что монастырь полон паломников. Пусть поторопит недругов этого вспухающего бедняжки...

После доклада директору уголовник ухмыльнулся:

– Неужели ты сочувствуешь этому зажавшемуся миллионеру?

– Ни капельки! Мне лишь интересно: там укушенный или нет? Ну и премия удвоенная ни тебе, ни мне не повредит.

И довольно захихикал, подавая пример своему приятелю-компаньону.

Глава 10

Неприятности из прошлого

Софийка примчалась довольно быстро. Не одеваясь, мы с Моникой распили с гостьей бутылочку шампанского и без особых проволочек сместились на громадную кровать моей спальни. Всё получилось шикарно, особенно для меня, оголтелого любителя подобной близости. Получил удовольствие по максимуму.

Но в то же время старался следить за действиями девицы Чамзини, за её реакцией и за финальными аккордами этой реакции. Всё-таки изначально прозвучало утверждение:

– Для меня это впервые, и я сильно стесняюсь.

Понятно. Сам первый раз чуть с ума не сошёл от переживаний. Но в сегодняшней забаве сумел рассмотреть очень много настораживающих моментов. Первый: как Моника ни старалась выглядеть новичком в групповом сексе, по некоторым действиям просматривался немалый опыт в этих делах. Уж меня-то в таких вещах не проведёшь. Вроде по отдельности каждая деталь сушая мелочь, но вот в совокупности дают полную картину глубокого притворства. Да и Софи, когда наша напарница отправилась в ванную, шепотом высказалась однозначно:

– Свистит девочка! Ей всё это не впервой.

Это подтверждало и второе наблюдение: притворные оргазмы. Ещё и целых три раза. На самом деле Моника ни разу не дошла до пика своих удовольствий, попросту сдерживала себя. И разоблачить её, с моими умениями постановки любого диагноза для любого человека, оказалось элементарно.

И это косвенно подтверждало огромную опытность моей новой пассии. Только не отвечало на вопрос: зачем ей это? Да ещё и три раза? И ладно бы не могла, оставалась зажатой или неподготовленной морально. А ведь получала удовольствие, наслаждалась действием, легко и без возражений принимала любые позы и влезала язычком куда следует. Или у неё табу? Или какие-то обеты? Тогда почему сразу не предупредила?

Эта нелогичность получила продолжение во время наших коротких или длительных передышек. Моника в любую возможную паузу вставляла свои вопросы, которые, по сути, звучали одинаково:

– Как и с кем у вас ещё было нечто подобное? Как эти люди внешне выглядели? И часто ли бывают в ваших компаниях более молодые мальчики?

При последнем вопросе имелись в виду мужчины, которым ещё и двадцати не исполнилось. После нашего удивления она даже пояснила:

– Да было у меня год назад бурное сношение с пареньком восемнадцати лет. Так я оказалась на истинном Олимпе удовольствий, настолько он меня поразил, обласкал и удовле-

творил. И вот я себе представила: а если сразу с двумя такими классными парнишками покувыркаться в кровати?

– Подобное и с одним-то редко случается, – стала делиться своим богатым опытом Софийка. – Они в таком возрасте ещё слишком ревнивы, суперактивны, эгоистичны и чрезмерно агрессивны. Спаренных действий от таких партнёров, переходящих в чувственное удовольствие, не дождёшься. Нужные умения приходят к мужчине, когда ему за двадцать, ещё лучше – за двадцать пять.

– И всё-таки! – настаивала Моника. – Бывают такие ребята? – Пока мы морщили лбы, пытаюсь понять, как ответить, она продолжила: – Я ведь год назад только два раза успела взлететь на вершину оргазма с тем парнем. А потом мы глупо расстались... Вот я и пытаюсь его вновь отыскать. Или таких же, как он.

Если бы она так не настаивала, я бы так и не вышел из неги, да и не обратил бы внимания на весь разговор в целом. А так интуиция заворочалась, просыпаясь и стряхивая с себя глыбы недавнего извержения чувств. Да и моей параноией очень не понравилась возникшая в сознании параллель между неведомым молодым парнем и девятнадцатилетней внешностью самого Вампира.

Вроде бы при чём здесь одно к другому?

А вот имелось у меня в памяти одно неприятное воспоминание. Как раз связанное с самым началом моего существования как метаморфа. Я в то время ещё только проходил

обучение, только первые разы сумел трансформироваться в молодого парня. Естественно, что тогда и понятия такого не существовало, как «Вампир». И я и в страшном сне не предполагал, что мне предстоит высокая миссия очистки нашей цивилизации от разных уродов.

Поэтому первым делом решил испытать новое тело в самом главном моём увлечении. К собственной чести, стоило признаться, что не наобум помчался знакомиться с девочками. Вначале осмотрел новое тело тщательно в зеркале, опробовал резко возросшие физические данные и даже проверил свой детородный орган, включив на экране фильм соответствующего эротического содержания.

Всё работало как часы. К тому же, несмотря на мой уменьшившийся резко рост и вес, само мужское достоинство соразмерно выросло на тридцать (примерно) процентов. Я тогда ещё немало порадовался этому факту: «Так вот куда мои тридцать пять килограмм веса ушли и восемнадцать сантиметров роста – в корень!» Тогда я ещё не знал, что пятнадцать килограммов ко мне могут прибавиться в виде оружия и экипировки.

После осмотра и проверок оделся прилично и помчался в наше МеРЦИ с самыми томными предвкушениями. И что с того, что в свои тридцать с копейками я считал себя завидным мужчиной, невероятно развитым, в полном расцвете сил? Любой человек и в любое время с радостью сбросит с себя двенадцать-пятнадцать лет, омолаживаясь до состоя-

ния, с ума сводящего своей кипящей бесшабашностью.

Компания наша уже тогда существовала, но я решил в неё не торопиться, вначале порыскать самостоятельно, собрать хотя бы несколько новеньких партнёров, а уже потом вместе с ними примкнуть к старой, проверенной гвардии.

И мне сразу же повезло. Познакомился с двумя сестричками-двойняшками. Им оказалось двадцать лет, истинные прелестницы, хоть и выглядели весьма капризными да разбалованными. И мнили о себе необычайно много. Но мой напор, страстное вожеление и несомненный опыт сломали высокомерное сопротивление недотрог, растопили их ледяное недоверие и преодолели их показную стыдливость. В свою скромную, хоть и весьма удобную обитель я их не повёл, а снял отличный номер в одном из уютных отелей. Куда мы и забурились на всю ночь.

А вот там меня судьба и обломала весьма жестоко. Начал-то я девочек заводить весьма активно, откровенно и бесстыже. Это им понравилось: лежать на спине и поочерёдно вздрагивать от удовольствия, ощущая то мои пальчики, то язычок в наиболее эrogenных местах. Но вот когда подошло время использовать самый главный инструмент постельной баталии, он вдруг, к огромному моему стыду и смущению, оказался бездейственным. И в дальнейшие часы, что я только не делал, так мой дружок и не поднялся решительно на правый бой.

То, что я старался хоть как-то спасти ночь, нас всех ма-

ло утешило. Как и мои горячие оправдания, что подобное со мной впервые. Не помогли и обещания, что случившаяся напасть никогда больше не повторится. Двойняшки мило улыбались, заверяли, что ничего страшного, но перекидывались такими взглядами, словно вот-вот разразятся смехом.

Утром они от меня sprыснули, и мы больше в таком варианте моего омоложенного тела никогда не встречались.

Конечно, у меня сложилось противоположное мнение, чем у девочек. Я без всякого зазрения совести приписал вину им. И тут же помчался в один шикарный публичный дом для подтверждения своего достойного либидо. Вот там и выяснилось окончательно: либидо в наличии, ибо хочется до зубовного скрежета, а вот главное оружие истинного мачо – недействительно. Причём член отказывал именно в момент сближения с женским телом. Стоило мне выйти в соседнюю, пустую комнату и там полюбоваться на кадры эротического фильма, как мой дружок моментально поднимался и оказывался готов к бою. А стоило вернуться к любой из роскошных женщин – случался облом.

Ещё несколько раз, проведя эксперименты, пришёл к неутешительному выводу: полноценный секс в обличье Вампира мне недоступен! Окончательное доказательство этому поступило во время парочки оргий в нашей компании, куда уже знакомых мне близняшек привёл кто-то из знакомых. У меня тогда (но уже в теле Валентина Годвори) все прекрасно с девочками сложилось. Жаль только они быстро и оттуда

исчезли, так что я не успел задать им весьма интересующий вопрос: «Имелись ли у вас парни, опозорившиеся со своим членом?»»

Беда? Ещё и какая!

Но я смирился. Не стал комплексовать по этому поводу. Чуть позже стал Вампиром. И моё лицо в новой ипостаси стало известно каждому, кто интересовался жертвами моего укуса и связанными с этим скандалами. Пришло сожаление о неадекватности моих поступков. Но теплилась большая надежда, что ни двойняшки, ни женщины публичного дома не вспомнят о моих мужских проблемах, разглядывая мои портреты в ипостаси Вампира, сделанные фотороботом. И до сих пор эта надежда ни разу не давала трещин сомнения.

А вот только что получила первый удар от заворочавшейся интуиции. В любом случае мой тогдашний явный просчёт с теми двойняшками следовало обязательно учитывать. К примеру, мысленно сопоставят как-нибудь обе мои сущности и спросят, как это сделали коллеги по работе: «Валентин! Есть у тебя алиби?»»

Вот потому вопросы Моники меня изрядно напрягли, и я стал анализировать каждое её слово. А она, томно улыбаясь и поглаживая то грудь, то животик Софи, перешла в своих воспоминаниях к противоположностям:

– Конечно, не каждый молодой парень может и умеет доставить удовольствие. Тут ты права... Каких только слаба-

ков, больных или импотентов не встретишь... Тебе такие попадались?

Моя старая партнёрша задумалась, прикрыв глаза в расслабленной неге:

– Среди парней? Или мужчин постарше?..

– О тех, кто постарше, вообще речь не идёт, – хихикнула мадемуазель Чамзини. – Сегодня и вчера я впервые в жизни попробовала с таким вот старым, как Валентин... – её ножка дотянулась до моих бёдер и стала поглаживать вполне возбуждающе и эротично. – Но с ними-то всё понятно: старость – не радость. А я именно про случаи с молодыми партнёрами, которым ещё и двадцати не исполнилось. Вот мне, например, два раза такие неврастеники попадались. И ладно бы умели язычком работать...

– Вспомнила! – оживилась Софийка. – И мне такой парнишка попался. Мм... лет пять назад это было. Так он, бедненький, даже плакал надо мной. Так ему хотелось... А не смог, как ни старался...

– Надо было ему помочь, – проявил я мужскую солидарность.

– Помогала. Старалась. Что только не делала... Всё равно не помогло.

Моника стала проявлять повышенный интерес:

– Ну и как он выглядел? Наверняка смотрелся худющим глистом-переростком?

– С чего ты взяла?

– Да все худые переростки плохо питаются, вот у них и не стоит. Мне как раз такие болезные и встретились на любовном ложе.

– Нет, тот был не такой, – возразила моя старая партнёрша со снисходительным смешком. Но, ощутив, что поглаживания по груди стали требовательными и излишне резкими, продолжила приоткрывать дела давно минувших дней: – Скорей наоборот, страдал парнишка от избыточного веса. Этаким упругий колобок... Хотя во всём остальном он мне нравился, умный, эрудированный, заботливый, романтик...

– Фи-и! – излишне разочарованно протянула Чамзини. – Терпеть толстых не могу! Ничего, кроме отвращения, не вызывают. Особенно если молодой, но уже выглядит, словно жирная свинья.

Тут же она прекратила поглаживать Софи, словно невзначай сменив позу. Зато её ступня продолжала поглаживать мои бёдра. Да и следующий вопрос адресовался именно мне:

– Валентин, а в твоей компании есть молодые ребята?

– А как же! Если заранее всех предупредить да собрать, человек пять соберётся. Все – на твой вкус. Хочешь бешеного удовольствия? Тогда я всё устрою, договорюсь и уже послезавтра соберёмся в одном прекрасном доме.

Моя новая знакомая задумалась, тогда как старая партнёрша откровенно удивилась:

– Ты о семействе Мэтрюсов говоришь? – Я кивнул. – Так там не только Лиана ревнивая, и сам Николая жену к слишком

молодым парням не подпускает.

– Это он раньше копытом бил, – пустился я в пояснения, в то же время внимательно присматриваясь к задумавшейся Монике. – А сейчас уже привык и даже получает удовольствие от некоторых, особо эротичных сценок с участием Лины.

Тут на телефон Чамзини пришло очередное сообщение, и она склонилась по другую сторону кровати, вчитываясь. Мы же со старой подругой обменялись несколькими жестами и касаниями, которые нормальными словами прозвучали бы так:

– Какая-то она странная.

– Тоже заметил. Зато фигурка и всё остальное – класс!

– Да уж не лучше моей.

– О-о! Несомненно!

– И это её пристрастие к телефону...

– Согласен. Так что лучше в её присутствии много не болтай и не спрашивай. А то ещё спугнём, и она в большую компанию не пойдёт.

Моника вновь отложила телефон и повернулась к нам с огромным сожалением:

– Не хочется уходить, но придётся. Сестра на новой квартире и далековато, а матери опять плохо. Так что срочно придётся мне ехать домой.

– Жаль... – пробормотали мы синхронно в ответ.

– Но по поводу мальчиков я согласна. Договаривайся на

послезавтра! – После этого заявления Чамзини коротко с нами поцеловалась, вскочила с кровати и оделась в мгновение ока. – Всё, бегу! Не провожай!

И умчалась. А я, уже было вставший на ноги, вновь рухнул на кровать.

– Странно... – протянула Софи.

– Что она убежала? Так это даже лучше, выспимся спокойно...

– Нет, странно, что она согласилась, – пояснила подруга. – Я ведь видела, что ей очень не хочется заявляться в компанию. Ну, очень не хочется. А согласилась... прочитав что-то у себя в телефоне.

– Ну-у... может, это её парень написал, что «...расстаёмся окончательно»? – сделал я предположение. – Или в самом деле что-то с матерью неважно. Ведь такими вещами не шутят.

Хотя я и сам был уверен в правильности сделанного Софийкой вывода. Новая знакомая явно не хотела откликаться на моё предложение. Она усиленно подбирала правильные слова для отказа, но тут пришло сообщение. Она его прочитала. И совершенно против своей воли согласилась побывать в большой компании.

Странно? Более чем!

И теперь уже моя паранойя обеспокоилась не на шутку. Попытавшись найти связь и проверяя все варианты, я затеял с подругой час воспоминаний о наших прежних разгуль-

ных вечеринках. Припоминая разных партнёров, я постепенно подвёл разговор к интересующим меня персонам:

– А помнишь парочку милых двойняшек, которых в нашу компанию уже и не помню кто привёл? Года четыре назад это было.

– Это такие две куколки кучерявые? Чёрненькие?

– Они! Потом они куда-то пропали, а я их так толком и не распробовал...

– А ты разве не слышал?.. Пропали девочки куда-то. Говорят, какие-то твари их выкрали, чуть ли не среди белого дня. Полиция с ног сбилась, разыскивая пропажу, но всё без толку. Так и не нашли...

Она тяжело вздохнула, а я только и смог выдохнуть короткое:

– Жаль...

«Вот оно как получается! – заметались мысли в сознании. – Ведь явно девочки из-за меня пострадали. Если бы их взяли полицейские в оборот – это одно. Подержали, порасспросили да и выпустили бы. Никакими необычными знаниями двойняшки о Вампире не обладали. Тем более что в особых случаях следователи имеют право использовать довольно эффективные химические средства. Под их воздействием простой человек всё расскажет. Хочет он этого или не хочет. А тут явно кто-то кровожадный действовал... Знать бы ещё, кто именно?.. И почему в потоке поступающей ко мне информации ни словечка об этом не проскользнуло?..

Или я не обратил должного внимания?.. А может, всё-таки несчастный случай? Или разборки уголовных группировок, ни в коей мере меня не касающиеся?»

В любом случае мне следовало выяснить судьбу двойняшек. Всякое бывает в жизни. К примеру, нашли себе достойного жениха, богатого, щедрого, да и уехали с ним жить на банановые острова. Но вот если с ними что-то плохое случилось, то виновников следовало покарать обязательно. Я к женщинам и так относился с пиететом, а уж с которыми был в интимной близости – тех вообще вспоминал с особенным трепетом. Возникла привязанность и чёткое ощущение, что я за них несу ответственность, должен защищать и прикрывать от напастей.

Пока я обдумывал шаги, которые следовало предпринять для выяснения, наш разговор с Софийкой увял сам собой, а она тут же заявила:

– Ладно, очень рада была с тобой свидеться, поеду домой...

– Чего ты? И так скоро утро, досыпай у меня.

– Нет, я до обеда люблю дрыхнуть, и чтобы дома, где никто не мешает. Да и самое главное, забыла включить стирку. Только ты позвонил, сразу сорвалась.

– Так давай я тебя отвезу? Или такси вызову?

– Да я на своей машине, не переживай! Звони, всегда рада тебя видеть.

Чмокнула на прощанье и умчалась.

А я, расслабленно потянувшись на кровати, попытался собрать засыпающие мысли в кучку и проанализировать весь прошедший день. Заодно прогнать перед собой план посещения госпиталя имени Ромы Грэйхемцена.

Шум ночного города в такое время всегда был наиболее минимальный, поэтому засыпающее сознание вздрогнуло, услышав резкий визг шин по асфальту, громкий сигнал клаксона, а потом и звук столкнувшихся автомобилей. Вроде ничего интересного в ночной аварии, но сердце как-то неприятно защемило. Не поленился, вскочил к окну и выглянул на улицу. На ближайшем перекрёстке лежал на крыше автомобиль среднего класса, одно колесо ещё продолжало крутиться. Вдали виднелись габариты уносящегося прочь на большой скорости джипа. Ещё два автомобиля остановилось обок аварии, и водители с пассажирами уже спешили на помощь пострадавшим.

Я не стал дальше рассматривать, а накинув на ходу халат и комнатные тапочки, бросился на выход. Пока спускался в лифте, пытался экстренно дозвониться к Софийке. Но её телефон не отвечал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.